

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I –
НАЧАЛА II ВЕКОВ ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 44.03.05 История и обществознание
очной формы обучения, группы 02031203
Проскурина Дмитрия Юрьевича

Научный руководитель
к.и.н., доцент
Литовченко Е.В.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» В АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ.....	16
1.1. Основные подходы исследователей к теории повседневности.....	16
1.2. Содержание понятия «повседневность» в античной литературе и сочинениях Плиния Младшего.....	21
ГЛАВА II. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ (БУДНИ) ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО.....	29
2.1. Дом в жизни римлянина.....	29
2.2. Трапеза	26
2.3. Распорядок дня зажиточного римлянина	42
ГЛАВА III. ПРАЗДНИКИ И ДОСУГ ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО	51
3.1. Праздничные торжества	51
3.2. Публичные чтения	59
3.3. Римский театр и другие общественные развлечения	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	73

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящего исследования – «Повседневность Древнего Рима середины I – начала II вв. по письмам Плиния Младшего».

Повседневность в историческом контексте может показаться совершенно оторванным от масштабных событий явлением. В школьных учебниках истории быту и повседневности уделено совсем немного времени, и они отделены от основной части курса, где идет речь о крупных политических и экономических событиях.

Таким образом, может показаться, что история – это, прежде всего судьбоносные решения политиков, военных начальников и конфликты, которые образуются на почве этих решений. А повседневность – лишь фон, яркое дополнение, которое ни на что не влияет и не является отражением того, что происходило в тот или иной исторический период.

Однако по ходу нашего исследования мы убедимся, что быт и повседневность являются, как продуктом влияния более масштабных явлений, так и триггером многих важных процессов в общественных, политических и других глобальных отношениях.

Плиний Младший (63 – 113 гг. н.э.) – римский адвокат и политический деятель, который в своих письмах и сочинениях грамотно сочетал элементы повседневного и глобального, создав свой образ микромира, отражающего повседневную жизнь его современников и влияние бытовой составляющей на общую картину бытия гражданина Древнего Рима. Ведь в нашем случае речь идет уже о сложившихся римских традициях, которые сильно действовали даже на самых влиятельных политиков и деятелей, многие из которых (включая императора Траяна) принимали решения, глобально влиявшие на дальнейший ход истории Древнего Рима. Одна из задач исследования – понять, насколько генезис и подоплека этих решений зависели от повседневных мелочей.

Актуальность исследования обуславливается тем, что и в современном мире тема взаимного влияния быта и истории не теряет важности. А только

наоборот – приобретает, поскольку в новом информационном мире старые политические модели теряют свою значимость (в первую очередь, с развитием Интернета и новых медиа, которые полностью изменили ритм жизни современного человека), а новый уклад жизни требует изменений.

Плиний Младший тоже жил, в некотором смысле, в «предреволюционной» эпохе, когда Древний Рим, сохраняя свое могущество, уже вынашивал в нем корни будущих ключевых проблем, которые привели сначала к кризису, а затем и к падению империи. И, безусловно, повседневность, которая отражала нравы и моральные установки общества, определяет причинно-следственные связи и дает исследователям подсказки причин заката Древнеримской империи.

Целью работы является реконструкция на основе сочинений Плиния Младшего повседневной жизни римского общества имперской эпохи.

В соответствии с поставленной целью, нами были сформулированы следующие **задачи**:

1. Определить сущность понятия «повседневность». Рассмотреть ключевые концепции определения этого термина и синтезировать их для дальнейшего удобства при работе с источниками.

2. Показать содержание термина «повседневность» в сочинениях Плиния Младшего и других античных авторов, а также определить взаимосвязь с понятием «быт».

3. Исследовать подходы последователей стоицизма к повседневности. Доказать, что их влияние на умы древнеримской элиты были не абсолютным и всеобъемлющим.

4. Рассмотреть типичный дом богатого римлянина, выявить общие тенденции и потребности знати. По письмам Плиния Младшего изучить его виллу и соотнести с поместьями других зажиточных римлян – найти сходства и различия.

5. Определить, как римская трапеза отражала поведение и характер представителя римской знати. Выяснить, каковы были вкусы и привычки Плиния Младшего в еде и в организации самого акта трапезы.

6. Исследовать влияние работы на распорядок дня зажиточного римлянина. Выяснить, занималась ли элита также и бытовыми делами по дому, или же – все перекладывала на рабов.

7. Определить влияние клиентов и всего явления патроната на жизнь римлян и Плиния Младшего. Показать место клиентелы в повседневности римской элиты.

8. Выяснить, какое место в жизни Древнего Рима занимали праздники. Исследовать отношение Плиния Младшего к частым торжествам и выяснить, каким праздникам он отдавал предпочтение.

9. На основе писем Плиния Младшего показать место публичных чтений в культурном пространстве Древнего Рима. Выявить основные группы людей, которыми ими увлекались, а также их мотивы.

10. Определить значение римского театра в сфере развлечений в эпоху Плиния Младшего как в сфере досуга, так и в общественно-политической жизни.

Объектом исследования является повседневная жизнь римского общества в период Империи.

Предметом исследования является образ повседневности и быта в произведениях Плиния Младшего.

Хронологические рамки исследования – период жизни Плиния Младшего (63-133 гг). Но настоящую работу трудно держать исключительно в этих рамках, поскольку придется обращаться к деятелям, которые жили до и после римского адвоката для верификации, сообщаемых им сведений. Поэтому для сравнительного анализа повседневности мы возьмем условный исторический промежуток с I до конца II вв. до н.э.

Методологическая база исследования.

Теория повседневности и быта – главная концепция, на которой базируется настоящее исследование. В первую очередь, мы выделяем работы отечественных авторов – М.М. Крома¹, В.Д. Лелеко², А.Я. Гуревича³. Данная

¹ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб, 2003. – С. 8-14.

концепция помогает решать задачи нашего исследования. Поскольку теория быта и повседневности рассматривает историю как полотно, которое соткано из различных материально-бытовых составляющих, меняющих не только одного человека или малую социальную группу, но и исторический процесс в целом.

Ведь повседневность затрагивает целые народы и социальные классы. Так, в теории выдвигаемой В. Ульрихом⁴, неоднократно подчеркивается – мелкая деталь быта может говорить об эпохе гораздо больше, чем некоторые исторические документы, которые могут отражать частные интересы, не показывая при этом черты общества.

Ю. Кокка⁵ обращает внимание на «отношения повседневностей», указывая на то, что любая историческая эпоха содержит в себе спектр бытовых явлений, которые взаимодействуют между собой – враждуют или наоборот – каким-то образом сливаются друг с другом.

Большая и крайне сложная задача исследователя – обнаружить, что в истории нет только повседневности богатых и быта бедных сословий. На взгляд апологетов теории повседневности и быта, все обстоит значительно сложнее, чем принято считать историками, которые зачастую опускают повседневность для решения более глобальных задач.

В нашей работе, рассматривая древнеримскую действительность, необходимо особое внимание уделить ментальности древнего римлянина эпохи Плиния Младшего. Поскольку эта ментальность не появилась на пустом месте, а являлась результатом географических, климатических, особенностей, необходимо рассматривать **цивилизационную концепцию истории**.

Наиболее исторически верной является теория локальных цивилизаций А. Дж. Тойнби⁶, в которой образ мышления и восприятия окружающего мира напрямую связан с вышеуказанными особенностями цивилизаций.

² Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб., 2002. – 320 с.

³ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". – М., 1993. – 319 с.

⁴ Ullrich V. Entdeckungsreise in den histonschen. – Munich, 1985. – 406 с.

⁵ Кокка Юрген. Классы или культуры? Прорывы и тупики в рабочей истории. – Мюнхен, 1982. – 116 с.

⁶ Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., 1991. – 230 с.

Наша работа основана в первую очередь на сочинениях Плиния Младшего, что представляет некоторую сложность. Во-первых, взгляд Плиния не является абсолютной истиной, несмотря на в целом объективные данные и рассуждения римского адвоката. Во-вторых, письма Плиния Младшего так полно и ярко демонстрируют римскую повседневность, что может сложиться ложное впечатление, по которому исследование можно ограничить только изучением сочинениями Плиния. Поэтому важно использовать **комплексный и объективный подход** при изучении источников.

В данном исследовании мы будем использовать методологию Д.Х. Хекстера⁷, выявившего три главных методологических приема при изучении историографии: перечисление имен, непосредственное цитирование и сноски. Также Хекстер отмечает важность для историка использовать новые и наиболее проверенные источники, которые уже положительно оценило научное сообщество на конференциях, в рецензиях и т.д.

Сопоставляя источники, мы используем **сравнительно-исторический метод**. Он необходимо для выявления общего и различного в восприятии римской повседневности между Плинием Младшим и его современниками.

Важной для нашей работы является концепция **интеллектуальной истории**. Которую в современном варианте сформировал американский историк и философ Артур Лавджой⁸. Среди отечественных исследователей по данному направлению необходимо отметить работу Л.П. Репиной⁹. Суть методологии заключается в том, чтобы рассматривать интеллектуальные труды элиты в историческом контексте. Мы обратим внимание на сочинения философов и поэтов, которые имели влияние на умы людей, соответственно формируя их взгляды и свое отношение к повседневности.

Также использованы общенаучные методы: *обобщение, систематизация, анализ, синтез*. И специально-исторические: *сравнительно-исторический*,

⁷ Hexter J. H. Doing History. – Bloomington, 1971. – 182 p.

⁸ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. – М., 2001. – 376 с.

⁹ Интеллектуальные традиции Античности и Средневековья / Под ред. М. С. Петровой и Л.П. Репиной. – М., 2010. – С. 151.

ретроспективный, описательный, историко-генетический метод. Работа с этими методами позволила в итоге провести объективное исследование, и получить обоснованные и достоверные выводы.

Источниковая база

Как уже было упомянуто, главным источником настоящего исследования являются сочинения и письма¹⁰ Плиния Младшего – профессионального адвоката и талантливое писателя своего времени. Письма Плиния – неисчерпаемый источник для множества исторических исследований.

В первую очередь, историки обращают внимание на точные детали политического устройства при трех императорах – Домициане, Траяне и Нерве. Также в письмах Тациту Плиний подробно и используя яркие метафоры, рассказывает об извержении Везувия (79 год).

В целом, стоит отметить, что образность и запоминающийся прозаический стиль делают Плиния создателем уникального источника. Особенно это важно для нашей работы, где мы рассматриваем повседневность – то, о чем далеко не все римские деятели любили подробно писать, воспринимая это как само собой разумеющийся жизненный фон.

Плиний детально описывает свою морскую виллу, критикует или хвалит обеды друзей и чиновников, которые хотели на него произвести впечатление. С трепетом рассказывает о проведенных публичных чтениях и с раздражением реагирует на привычки современников бурно праздновать и постоянно посещать цирк. Плиний выражал точку зрения той римской элиты, что была умеренна в своих вкусах, избегала пошлости, однако не чуралась богатой жизни.

Поэтому важно отметить, что в нашей работе рассматриваются лишь общие позиции стоицизма в письмах¹¹ Луция Аннея Сенеки к Луцилию. Нет необходимости более научного углубления в данную тему, поскольку Плиний и

¹⁰ Письма Плиния Младшего / Пер. М. Е. Сергеенко (кн. I—VI, X), А. И. Доватура (кн. VII—IX), В. С. Соколова («Панегирик Траяну»). – М.-Л., 1950. – 926 с.

¹¹ Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Перевод С.А. Ошерова. – М., 1977. – с. 576.

большинство его друзей относились к стоицизму с уважением, но без попытки самим стать стоиками и отказаться от большинства жизненных благ.

Куда более важными для нас являются произведения писателей-сатириков, которые давали обыденности острую оценку, часто совпадающую с мироощущениями Плиния Младшего. Так, Марк Валерий Марциал – один из главных поэтов древнеримской эпохи – в своих эпитаграммах¹² дает подробную картину повседневной жизни римской элиты, без прикрас и попыток кого-либо возвысить. Марциал жесток в оценках, несмотря на то, что зависел от патронов и был вхож во многие знатные дворы, где крайне почитали и любили поэта. Поэтому труды Марциала важны и для оценки института клиентелы, которая в нашем исследовании отражает множество бытовых явлений в жизни Древнего Рима.

Децим Юний Ювенал также относится к когорте поэтов-современников Плиния Младшего. В его сатирах¹³ много повседневной злобы и яркой демонстрации социального неравенства. При этом, Ювенал с презрением относится как к богачам, так и к бедному населению. Для нашей работы Ювенал важен описанием трапез и атмосфере римских улиц во время проведения праздников, к которым Ювенал относился крайне скептически: сатирик считал, что во время празднований «открывался» совсем другой человек – с набором пороков, которые таятся в нем в обычном будничном состоянии.

О неприглядной и далекой от торжественности жизни Древнего Рима можно узнать в «Сатириконе»¹⁴ Петрония Арбитра. Сатирическое произведение об авантюристских приключениях молодых людей пропитано необходимыми для нашей работы деталями. А также – описанием нравов и моральных устоев, которые несомненно влияют на окружающую вокруг людей повседневность. Детали праздников и торжеств также продемонстрированы в «Сатириконе». Как

¹² Марк Валерий Марциал. Эпитаграммы / Перевод Ф. А. Петровского. – СПб., 1994. – 450 с.

¹³ Децим Юний Ювенал. Сатиры. / Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. – М.-Л, 1937. – 158 с.

¹⁴ Петроний. Сатирикон. // Римская сатира / Перевод А. К. Гаврилов, Б. И. Ярхо. – М., 1989. – 544 с.

религиозные долгие гуляния декабря, так и светские торжества, организованные императорами по случаю отдельных событий.

«Римские древности»¹⁵ Дионисия Галикарнасского раскрывают генезис римской повседневности. Дионисий (60 г. до н. э. - около 7 г. до н. э) не был современником Плиния, однако его рассуждения позволяют понять характер римлянина – его лень, склонность к роскошной жизни и попытках доказать, что именно он живет богаче и счастливее всех окружающих. Дионисий не скуп на подробности в описании быта, традиций и оформлении трапезы. Также Дионисий одним из первых авторов подробно описывает зарождение клиентелы.

Также для нашего исследования важны и классические труды о римской истории. «Естественная история»¹⁶ дяди Плиния Младшего Плиния Старшего, в которой даны сведения об истории Древнего Рима, его географии и этнографии. Плиний Старший, что важно для нашей работы, рассказывает об общественных и социальных отношений на заре Древнеримской империи. Это позволяет найти различия с эпохой Плиния Младшего и, исходя из этого, установить генезис повседневности, что является одной из задач нашего исследования.

Для исследования юридических особенностей клиентелы использованы Законы XII таблиц¹⁷, а для изучения праздников, их количества и графика проведения использованы календари Филокала¹⁸ и Полемиа Сильвия¹⁹.

Таким образом, в нашей работе мы опираемся на письма Плиния Младшего и сочинения его современников. Это позволяет представить и исследовать объективную картину древнеримской повседневности

¹⁵ Дионисий Галикарнасский. Римские древности / Перевод И.Л. Маяка. – М., 2005 – 872 с.

¹⁶ Плиний Старший. Естественная история. Книги XVII и XVIII // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Пер. М.Е. Сергеенко. – М., 1957. – С. 213-327.

¹⁷ Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. – М., 1962. – 675 с.

¹⁸ Monumenta Germaniae Historica. Theodor Mommsen (Hrsg.): Auctores antiquissimi 9: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (I). Berlin 1892, S. 13-148 [Электронный ресурс]. - URL: <http://daten.digital-sammlungen.de/~db/bsb00000798/images/index.html?seite=25&pdfseite=>

¹⁹ Ibid. Chronica minora saec. I, 511 ff. Berlin 1892 / Также опубликовано Т. Моммзенем в Corpus Inscriptionum Latinarum, I, 335-357.

относительно конкретного периода (конец I – начало II века) со всеми его различиями и противоречиями.

Историография исследования.

В нашей работе использовано два основных типа исследований: те, в которых рассматривается материальная часть римской повседневности – быт, трапеза, развлечения и т.д. в различных деталях; и те исследования, в которых на первый план выходит взаимное влияние повседневности и глобальных политических, экономических, социальных и других процессов в генезисе Римской империи.

К первой группе мы отнесем работу Ж. Каркопино «Повседневная жизнь Древнего Рима»²⁰, в которой большой упор сделан на широкий круг читателя – текст написан литературным языком, упор сделан на факты, которые способны удивить читателя; рассматривается в первую очередь самый расцвет империи со всей его бросающейся в глаза роскошью. Однако труд Ж. Каркопино нельзя назвать легкой познавательной беллетристикой – в нем систематизированы другие авторитетные исследования, дана научная оценка многим событиям и фактам. С работы Ж. Каркопино удобно начинать изучение древнеримской повседневности.

В целом, необходимо отметить тот факт, что за последние десятилетия вышло много подобных работ, в которых рассматриваются различные стороны древнеримской жизни. Как правило, это дом с его обустройством, трапеза, цирк и театр, термы, а также отношения – с семьей, друзьями, рабами и высшим сословием, включая императора.

Недостаток данных исследований очевиден – в них авторы стремятся в ограниченном объеме ухватиться сразу за все темы. От чего подобные исследования несут поверхностный характер и не представляют для нас интереса. Отметим лишь схожие исследования, проверенные временем и научным сообществом. Это «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима»²¹

²⁰ Каркопино Ж. Повседневная жизнь древнего Рима. Апогей империи. – М., 2008. – 464 с.

²¹ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер с польск. – М., 1988. – 496 с.

Л. Винничук, «Быт и нравы древних римлян»²² П. Гиро, «Жизнь в Древнем Риме»²³ М.Е. Сергеенко, «Быт античного общества»²⁴ Е.В. Никитюк.

Рассматривая более глубокое погружение в сущность римской повседневности, необходимо отметить исследование Г.С. Кнабе «Диалектика повседневности»²⁵, в которой автор демонстрирует всю двойственность римского быта и традиций. Г.С. Кнабе также доказывает, что большое влияние на повседневность оказывал особый римский характер, который, тем не менее, трудно выделить и идентифицировать, поскольку это один из его признаков – переменчивость и постоянный поиск новых форм. В том числе – и обустройства собственной повседневности.

Классическую точку зрения советской историографии представляет работа Е.М. Штаерман «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи»²⁶, в которой автор рассматривает порочные проявления римской повседневности и – как защитную реакцию со стороны «угнетенных слоев населения» – религию.

Данная работа не является объективной, поскольку автор проводил исследование, исходя из идеологических установок. Однако Е.М. Штаерман оказывала серьезное влияние на других исследователей Древнего Рима, а также высказывала мнение на социальные отношения, которые позже не были столь идеологически окрашены, но при этом – популярны в научном сообществе.

Более современный взгляд на древнеримские связи предлагает А.П. Беликов в работе «Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов»²⁷, где автор рассматривает отношения римлян с точки зрения различных факторов, начиная от манеры правления императора и заканчивая экономическим положением Древнего Рима в тот или

²² Гиро П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск, 2000. – 576 с.

²³ Сергеенко М.Е. Жизнь в Древнем Риме. – СПб., 2000. – 448 с.

²⁴ Никитюк Е.В. Быт античного общества. – СПб., 2005. – 89 с.

²⁵ Кнабе Г.С. Диалектика повседневности. Материалы и лекции по истории культуры и культуры античного Рима. – М., 1994. – 56 с.

²⁶ Штаерман, Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. – М., 1961. – 324 с.

²⁷ Беликов А. П. Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов. – Ставрополь, 2003. – 88 с.

иной период. А.П. Беликов также обращается к письмам Плиния Младшего, доказывая, что, в частности, клиентские отношения между патронами и клиентами отражали неоднозначный и уникальный характер, придававший свой оттенок очень многим процессам, которые принято рассматривать на более глобальном уровне.

Среди работ иностранных исследователей отметим «Повседневная жизнь в Римской империи»²⁸ за авторством Дж. Ливерсиджа. В этом исследовании английский историк прибегает к психологическому приему, предлагая читателям «прожить» один типичный день в Древнем Риме. Автор не только рассказывает об обычных улицах и типичных приметах того или иного социального слоя, но и также рассуждает на темы, непосредственно касающихся нашего исследования. Это – генезис римской повседневности и то, как менялись представления о норме и вкусах в различные периоды истории Древнего Рима.

Ф. Коуэл в работе «Древней Рим. Быт, религия, культура»²⁹ выводит на первый план римские традиции и религию, которые на взгляд автора имели решающее влияние на повседневность. Ф. Коуэл в заключении работы подчеркивает, что мистические культы одновременно и задавали римлянину определенные установки, но при этом и являлись отражением человека: показывали, чего же он боится, сторонится или наоборот – очень сильно желает.

Л. Фридендер в работе «Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов»³⁰ фокусирует свое внимание на частных особенностях: предметах быта, утвари, одежде. Много внимания Л. Фридендер уделил привычкам римской знати и особенности их отношений с более низшими сословиями. Отдельная глава посвящена женщинам в Древнем

²⁸ Liversidge J. *Everyday life in the Roman Empire*. – London, 1976. – 211 p.

²⁹ Коуэл Ф. *Древний Рим. Быт, религия, культура* / Перевод О.Д. Сидоровой. – М., 2006. – 264 с.

³⁰ Фридендер Л. *Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов* / Перевод Ф. Зелинского. – Санкт-Петербург, 1914. – 384 с.

Риме: как они дополняли и меняли повседневность, которую, на первый взгляд делали и подстраивали под себя исключительно мужчины.

Жан-Мишель Давид³¹ рассматривает бытовую составляющую патронатных отношений: как отличался образ жизни клиента и патрона, что они ели, как вместе проводили время и что писали о своем отношении к клиентеле в мемуарах.

Для понимания исторического фона, который также является неотъемлемой частью повседневности, мы использовали и систематические работы об истории Древнего Рима. Это курс лекций³² С.И. Ковалева, исследования Т. Моммзена³³ и А.И. Немировского³⁴.

Таким образом, в нашей работе мы использовали исследования как отечественных, так и зарубежных историков. Рассматривая различные подходы и точки зрения при изучении древнеримской действительности, мы можем констатировать, что повседневность, включая быт, распорядок дня, досуг и праздники, представлены в большинстве работ на высоком с научной точки зрения уровне.

Однако, рассматривая вкуче другие исследования, необходимо отметить следующее – современные авторы, подробно изучив римскую повседневность, так и не ответили на ряд вопросов. Как быт отражал перемены настроений и желаний древнеримской элиты? Почему интеллектуальная элита (к которой мы относим Плиния Младшего) зачастую не вела роскошный образ жизни (хотя в большинстве случаев имела на то финансовые средства). В нашем исследовании будут даны ответы на эти вопросы, в чем и заключается **новизна** работы.

Практическая значимость дипломного исследования заключается в том, что данный материал можно использовать при организации факультативов по истории в средних и высших образовательных учебных заведениях. Возможно

³¹ David J. -M. – M. Le patronat judiciaire au dernier de la republique romaine. – Roma, 1992. – 70 p.

³² Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. – Л., 1986. – 744 с.

³³ Моммзен Т. История Рима. – Л., 1993. – 268 с

³⁴ Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. – Воронеж, 1962. – 303 с.

использование результатов данного дипломного при изучении повседневной составляющей Древнего Рима.

Структура дипломной работы включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и библиографический список.

Апробация результатов исследования осуществлялась в выступлении автора на международной научной конференции «Традиционные культуры народов мира» (2016) по итогам участия, в которых, имеется 1 публикация, посвященная указанной тематике:

Проскурин Д.Ю. Публичные чтения как вид досуга в древнеримском обществе (по письмам Плиния Младшего) // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. 18 ноября 2016. – Белгород: Политерра, 2017. - С. 290-294.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» В АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

1.1. Основные подходы исследователей к теории «повседневности»

Определение понятия «повседневности» в различных гуманитарных науках отличаются. Как и различны подходы наук (например, социологии и философии) при изучении интересующего нас феномена. В работе важна историческая сторона повседневности, но необходимо уточнить, что в этом случае под «повседневностью» будет пониматься среда обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклад жизни, а также ментальность, образ мышления и образ жизни народа³⁵. При этом необходимо отметить неоднозначность и довольно большую возможность для расширения понятия, рассматриваемого в нашей работе.

Исследователи всерьез обращают внимание на феномен повседневности в истории на рубеже XIX-XX веков. Первые работы преимущественно связаны с нравами, обычаями и бытом европейских народов. Основные эпохи, затрагиваемые исследователями, – античность и Средневековье. Работы о повседневности за более чем полтора века исследований претерпели несколько фундаментальных изменений: менялось само отношение к понятию «повседневность», историки по-разному трактовали его суть и влияние на историю в целом, также добавлялись сферы жизни, которые подходили под это понятие.

Первая волна исторических исследований на тему повседневности, преимущественно, затрагивает пять ключевых тем: макро- и микросреда обитания, тело и удовлетворение потребностей, социально значимые события в жизни человека, семейные отношения, досуг и развлечения. Ключевой целью авторов было не осмысление повседневности, не попытка раскрыть причины

³⁵ Кнабе Г.С. Диалектика повседневности. Материалы и лекции по истории культуры и культуры античного Рима. – М., 1994. – С. 37.

влияния быта на жизнь, а детализация быта, дома, описание подробностей жизни людей, их привычек, традиций и эмоциональных реакций³⁶. Таким образом, в рамках этого подхода, понятие повседневности полностью отождествлялось с понятием «быт».

Тем не менее, данный фактографически-описательный подход, характерный для большинства работ первой волны, помог последующим исследователям переосмыслить суть повседневности. Внешние проявления быта, материально-предметная сторона жизни, отраженные в работах Н.И. Костомарова³⁷, С.В. Ешевского³⁸, И.Е. Забелина³⁹, Э.Э. Виолле-ле-Дюка⁴⁰, П. Гиро⁴¹, сформировали «каркас» для будущих работ, позволив исследователям поднять в своих работах более глобальные вопросы.

В работах «первой волны» встречаются попытки осмыслить быт через нравы и особенности народа, однако авторы концентрировались только на внешних проявлениях феномена. Например, в работе Н.И. Костомарова осуществлена попытка оценить положение и зависимость русской женщины в патриархальной семье. Но автор заостряет внимание не на мотивах и ценностях, определявших сознание людей, а на внешних проявлениях – типичных поступках и делах. Н.И. Костомаров, при всей полноте описаний, не стремится ответить на главный вопрос «Почему русская женщина в такой мере зависима от мужчины в семье?». Подобная претензия характерна для большинства работ «первой волны».

Следующая волна исследований связана, в первую очередь, с осмыслением повседневности через культурологию. Две наиболее значимые работы начала XX века, которые во многом и сформировали понятие

³⁶ Кнабе Г.С. Указ. соч. – С. 43.

³⁷ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М., 1996. – 218 с.

³⁸ Ешевский С. В. Женщина в средние века в Западной Европе. – М., 1870. – 117 с.

³⁹ Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. – М., 1871. – 97 с.

⁴⁰ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян / Пер. Л.Ф. Пантелеева. – СПб., 1889. – 608 с.

⁴¹ Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века / Пер. Сапожниковой А.А. – СПб., 2003. – 384 с.

«повседневность», – это «Осень средневековья»⁴² Й. Хёйзинги и так называемая «Новая историческая наука» двух коллег-единомышленников – Л. Февра и М. Блока.

В «Осени средневековья» Хёйзинга занимается тем, что и другие авторы исторической повседневности – в деталях описывает европейский быт (в данном случае – XIV–XV вв.). Однако голландский историк большое внимание уделяет мотивам людей, их психологии. Автор ставит задачу ответить на вопрос: почему европейцы носили именно такую одежду, почему именно так обустроивали свой дом, почему определенным образом строили отношения в семье и с друзьями и т.д. Хёйзинга в итоге приходит к выводу, что на повседневность влияло «массовое средневековое сознание» (тема «массового сознания» в подобных работах будет очень распространена позже). Таким образом, повседневность в исторической науке становится не просто исследованием внешних признаков быта, а попыткой на социально-психологическом уровне оценить поступки людей.

Но Хёйзинга, концентрируясь на амбивалентности эмоций средневекового человека, практически не уделяет внимание будничной повседневности. Голландского историка интересуют, в первую очередь, праздники и экстраординарные события, которые вряд ли могут отразить всю сущность повседневности данного исторического периода. Эта проблема исследований характерна и для «первой волны». Историкам было значительно интереснее и легче изучать яркие события, которые хорошо засвидетельствованы современниками.

Тем не менее, «социально-психологические механизмы, лежащие в основе мыслительных структур, присущих всем членам общества» стали основным мотивом для изучения повседневности последователями Хёйзинги. Продолжают использовать данный подход Л. Февр в работе «Судьба: Мартин Лютер»⁴³ и М. Блок в «Королях-чудотворцах»⁴⁴. Оба автора в своих работах

⁴² Хёйзинга Й. Осень средневековья / Пер. Сильвестрова Д.В. – М., 1988. – 768 с.

⁴³ Febvre L. Un Destin. Martin Luther. – Paris, 1928. – 314 p.

приходят к выводу, что повседневность – это подсознательное отражение привычек и установок, которые существенно влияют на все: от политики и войн до быта и особенностей праздников.

Исследования создателей «Новой исторической науки» важны еще и потому, что именно они сформировали цельную науку – историю повседневности, которая получает свою «третью волну» с середины XX века и развивается по сей день. До этого история повседневности была лишь условным направлением в изучении истории⁴⁵.

Для «третьей волны» характерно несколько новаторств. Во-первых, авторы новых работ об исторической повседневности связывают микроисторический уровень жизни (быт и повседневность) с макроисторическим (куда входят политика, экономика, развитие технологий и др.). Во-вторых, исследователи отказываются от обычного бытописания, больше обращая внимания на ментальный уровень: идеалы, стереотипы, ценностные установки людей. В-третьих, через ментальный уровень историки раскрывают истинный смысл вещей и привычек, которые и составляют полную картину повседневности.

Исследователи «третьей волны» в попытке передать сущность предмета изучения идут дальше и внимательно анализируют, к примеру, не только явление трапезы, но и то, как готовилась еда, сервировался стол, и т.д. Или не только то, что носили люди, а то каким образом шили костюмы, подготавливали ткань и т.д. Метод, с помощью которого, происходило изучение таких мелких деталей повседневной жизни, получил название «thick description» (насыщенное или плотное описание) (К. Гирц и Г. Райл), т.е. посредством данного метода можно объяснить не только поведение, но и контекст, то есть, когда действие приобретает смысл, понятный для окружающих⁴⁶. Данный подход изучения повседневности также характерен для

⁴⁴ Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере происхождения власти во Франции и Англии / Пер. В.А. Мильчиной. – М., 1998. – 712 с.

⁴⁵ Кнабе Г.С. Указ соч. – С. 48.

⁴⁶ Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. — М., 2004. — 560 с.; Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. -

Ф. Броделя⁴⁷. Французский историк пытался совместить в одной работе и глобальные политические события, и быт простого человека, доказывая, что между ними есть определенная связь и взаимное влияние друг на друга.

Такой подход синтеза глобального и повседневного перенимают и отечественные историки. Например, в исследовании М.А. Поляковской и А.А. Чекаловой⁴⁸ авторы анализируют феномен византийской дружбы, массового сознания простых жителей Византии и правителей, которое выражалось в повседневной жизни.

А.Б. Ковельман⁴⁹ анализирует повседневность египтян незадолго до заката Римской империи через письма и юридические документы простых египтян. Нравственное состояние обычного египтянина реконструируется с помощью сведений об их семьях, работе, учебе, состоянии рабства и т.д.

Наиболее ярким представителем совмещения большой политики и повседневности среди отечественных исследователей является Л.Г. Парфенов⁵⁰, который в серии книг «Намедни» рассматривает советскую и российскую жизнь одновременно с двух позиций – набора интересов и быта «маленького человека», и с высоты значимых политических и экономических событий в истории страны.

Современные исследования дальше развивают тему метафизических взаимоотношений быта и политики, повседневности и экономики. Но авторы стремятся уйти от абстрактных рассуждений, а найти четкие формы и взаимосвязи между явлениями⁵¹.

Можно сделать вывод, что понятие «быт», которое встречается в современных работах – это синоним понятия «повседневность». Но понимание быта, повседневности претерпело эволюцию – от учета ее внешне-событийных и предметных проявлений к синтезу мыслительных и материальных структур

N.Y., 1973.—Ch. 1.—P. 3–30; Ryle G. Phenomenology versus The Concept of Mind // Collected Papers. Vol. 1-2. - London, 2009. – 352+560 p.

⁴⁷ Braudel F. L'identité de la France. – Paris, 1986. – 368 p.

⁴⁸ М. А. Поляковская, А. А. Чекалова. Византия: быт и нравы. – М., 1989. – 304 с.

⁴⁹ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. Массовое сознание Римского Египта. – М., 1989. – 190 с.

⁵⁰ Парфенов Л.Г. Намедни. Наше время. Т. 4. – М., 2010. – 1136 с.

⁵¹ Кнабе Г.С. Указ соч. – С. 51.

повседневности. Этот синтез позволяет увидеть культурные знаки, которые скрываются за различными материальными проявлениями. Определяя понятие «повседневность», нельзя воспринимать ее в отрыве от других масштабных процессов.

1.2. Содержание понятия «повседневность» в античной литературе и сочинениях Плиния Младшего.

Безусловно, в своих письмах Плиний Младший не пишет конкретно о понятии «повседневность», не пытается разложить его на составляющие. Но он подробно и эмоционально рассказывает о явлениях, которые попадают под определение «повседневность» в нашей работе.

Плиний выступает с критикой бесчисленных праздников, пышных трапез и всеобщего культа поиска постоянных наслаждений. Например, в письме Финицию Франдану римский адвокат с укором спрашивает: «Спроси любого: «Что ты сегодня делал?», он ответит: «Присутствовал на празднике совершеннолетия», был на сговоре или на свадьбе» [Plin. Caes. Epist.I. 9].

Для Плиния очень ценно время, и он в том же письме указывает на то, как повседневность поглощает человека и не позволяет ему заниматься действительно важными делами, а заводит человека в череду бесполезных занятий: «Один просил меня подписать завещание, другой защищать его в суде, третий придти на совет. Все это было нужно в тот день, когда ты этим был занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: «сколько дней потратил я на пустяки!» [Ibid.]

Впрочем, отношение Плиния к повседневности во многом зависело от настроения письма и его содержания. Если, обращаясь к Финицию Франдану, он рекомендовал не тратить время на пустяки, то в письме Бебию Макру, Плиний Младший без осуждений и оценок, а, наоборот, с определенной долей восхищения описывает повседневный досуг своего дяди, отдавая почтение его возрасту и заслугам:

«Поев (днем, по старинному обычаю, простой легкой пищи), он летом, если было время, лежал на солнце; ему читали, а он делал заметки и выписки. Без выписок он ничего не читал и любил говорить, что нет такой плохой книги, в которой не найдется ничего полезного. Полежав на солнце, он обычно обливался холодной водой, закусывал и чуточку спал. Затем, словно начиная новый день, занимался до обеда. За обедом читалась книга и делались беглые заметки...» [III. 5]. Видимо, Плиний разделял точку зрения тех людей, которые считали, что отдых нужно заслужить («*Otium post negotium*»), ну, а пожилому человеку позволено и побездельничать, поскольку до этого он работал много лет.

Плиний хвалит своих друзей, которые, на его взгляд, правильно распределяют время, могут уделить внимание и себе, и своей работе, а также духовному и физическому развитию. Так, римский адвокат в письме, вышедшему на пенсию, известному консулу Помпонию Бассу пишет, хваля его за то, что он не последовал примеру других политических деятелей и не посвятил весь свой досуг регулярным торжествам. При этом, как мы уже указали выше, Плиний признает, что после долгих лет службы человек может позволить упростить свою повседневность: «Я с большим удовольствием узнал от наших общих приятелей, что ты, как и полагается такому мудрому человеку, умело распределяешь свой досуг и, живя в прелестнейшем месте, упражняешь свое тело и на суше и на море, много рассуждаешь, многое слушаешь, многое перечитываешь, и хотя знания твои велики, но ты ежедневно что-то к ним добавляешь. Молодость и средний возраст мы должны уделять родине, старость – себе. Так предписано и законами, которые предлагают досуг человеку в годах» [IV. 23].

Дальнейшее изучение писем Плиния Младшего в нашей работе будет подтверждать отношение римского адвоката к повседневности. С одной стороны, Плиний презирал многочисленные развлечения и досуг римлян своей эпохи. С другой стороны, Плиний ценил в людях возможность отдыхать, уделять время не только работе, но и собственному развитию, т.е. был

сторонником сбалансированного времяпрепровождения, так сказать, апологетом «золотой середины» в делах и отдыхе.

Что касается другой римской литературы, которая бы раскрывала понятие «повседневность», то здесь также, как и в сочинениях Плиния Младшего, прослеживается тенденция критики гедонизма и праздности. К примеру, Сенека в своих знаменитых наставлениях просит Луцилия быть мудрее и сдержаннее, не считать, что угождение жизни – единственный путь для проведения своего досуга. При этом Сенека делает это с долей сарказма, как бы предлагая все радости жизни Луцилию, но тем самым доказывая, что они не стоят такого внимания, которое ему уделяют люди из высших сословий римского общества: «Добродетель, философия, справедливость – все это треск пустых слов! Есть только одно счастье: угождать жизни, есть, пить, свободно распоряжаться имуществом. Это и значит жить, это и значит помнить о том, что ты смертен. Дни текут, проходит невозвратимая жизнь. Что же мы колеблемся? Что толку быть мудрым и навязывать воздержанность возрасту, который и может наслаждаться, и требует наслаждений, и скоро станет не годен для них? Зачем забегать вперед смерти и самому запрещать себе то, что она отнимет?

У тебя нет ни любовницы, ни мальчика, которому даже любовница позавидует; каждый день ты выходишь трезвым; обедаешь ты так скромно, будто должен давать ежедневную запись расходов отцу на одобрение. Это значит не жить, а смотреть, как живут другие. Какое безумие – быть распорядителем имущества твоего наследника» [Epist. Mor. ad Luc. X. 123].

Сенека в данном письме отразил настроения, царившие среди римлян, которые могли себе позволить роскошную жизнь, но с отвращением к ней относились. И не только потому, что расточительство, пьянство и азартные игры часто доводили богатых людей до полного разорения – важна и моральная сторона вопроса. Но необходимо отметить, что данное отношение к повседневности, постулируемое в стоицизме, не отражало взглядов большинства римлян. Настроения стойков широко представлены в философских и литературных произведениях своей эпохи, однако может

сложиться ложное впечатление, что аскетизм преобладал в жизни всех образованных и богатых римлян⁵².

Некоторые политические деятели Рима периодически любили отдаваться аскетизму и уединению, погружаться в изучение философии, которая на определенное время становилась их жизнью. Так, Цицерон, который видел в повседневности людей проявления их моральных качеств (Цицерон со скепсисом относился к оценке людей по их публичным рассуждениям) [Cic. III; 32], мог на некоторое время покинуть Рим, уединиться с самим собой и вернуться к активной государственной деятельности только в самый разгар политических событий⁵³. Однако, Цицерон по своим философским взглядам был наиболее близок к стоикам, поэтому его суждениям также свойственна некоторая тенденциозность, которая порой затмевала объективность.

В обычной мирной жизни некоторые римляне видели основу для другой – военной и беспокойной. К примеру, Тит Ливий в «Истории Рима от основания города» замечает, что изучение истории – это исследование и нравов прошлого, поступков, как дома, так и на войне: «Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий – дома ли, на войне ли – обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен» [Tit. Liv. I; 9].

Но римское общество не было таким однородным. Многие стремились всячески украсить свою повседневность, идя на большие жертвы, а порой и унижения. Например, римляне становились клиентами богатых патронов и выполняли поручения, которые фактически были рабскими. В сочинениях поэта Марциала содержится значительное количество описаний сцен из жизни клиента, который был готов на многое, чтобы оказаться за одним роскошным столом с богатым человеком: просыпаться до рассвета, всячески угождать патрону, соглашаться с любыми его мыслями и т.д. [Mart. X. 83].

⁵² Кнабе Г.С. Указ соч. – С. 73.

⁵³ Санчурский Н.В. Римские древности. – М., 1995. – С. 55.

Но это было во многом вынужденной мерой – Марциал зависел от богатых людей. Подобная ситуация характерна и для других сатириков римской эпохи. Они относились к разгульной повседневности и зависимости от патронов с долей иронии, отражая это в своих произведениях. Но при этом признавая – другого выбора у них нет. Например, римский поэт Авл Персий Флакк в своей третьей «Сатире» пишет: «Кто-нибудь скажет врачу «Предписан покой», а на третью ночь восстановится пульс; он пошлет попросить у патрона несколько капель на дне узкогорлой бутылки» [Pers. III; 19].

Также описывает типичного сатирика, который был вынужден вести праздный образ жизни, историк Тацит, давший характеристику автору романа «Сатирикон» Петронию Арбитру. Древнеримский историк не порицает сатирика за стремление к удовольствиям, не считает, что тот был расточительным человеком:

«Дни он отдавал сну, ночи – выполнению светских обязанностей и удовольствиям жизни. И если других вознесло к славе усердие, то его – праздность. И все же его не считали распутником и расточителем, каковы в большинстве проживающие наследственное достояние, но видели в нем знатока роскоши. Его слова и поступки воспринимались как свидетельство присущего ему простодушия, и чем непринужденнее они были и чем явственней проступала в них какая-то особого рода небрежность, тем благосклоннее к ним относились» [Tac. Ann. XVI. 18-20].

Дионисий Галикарнасский полагал, что зачатки праздного образа жизни идут от раннего эллинизма, который довел многих римлян до культа богатства и ненасытного поиска наслаждений: «Они до крайности соперничали друг с другом, и каждый из них стремился превзойти другого в умении сделать жизнь приятнее и беззаботнее. Они дошли до такого соревнования, что расспрашивали у приезжих об убранстве домов, об обстановке жертвоприношений, и старались превзойти в этом отношении друг друга» [Dion. VI. 33].

Подобную точку зрения разделяли многие историки: Тит Ливий, к примеру, считал, что виной всему расточительство римлян, которое постепенно привело к разрушению нравственных устоев. Появилась эта негативная

привычка еще с 187 г. до н.э., когда римское войско вернулось из Азии в Рим, где они оккупировали богатые страны⁵⁴; Полибий полагал, что исчезновение бережливости и скромности во всем привело к деградации общества в целом. Данный факт, по его мнению, относится к 168 г. до н.э., когда римляне вели войну с Персеем⁵⁵.

Можно сделать вывод, что наиболее известные деятели античности видели повседневность как ежедневное времяпрепровождение в компромиссе между полным отказом от всех благ и жизнью, цель которой – исключительные удовольствия, некая «золотая середина». Плиний Младший в своих письмах представляет и обосновывает такой взгляд на быт. Плиний не выступает против человеческих удовольствий, но рекомендует из каждого из них извлекать пользу.

Также необходимо отметить, что отношение к повседневности среди античных политиков, философов, писателей и других деятелей не всегда зависело от их статуса. Те же стоики могли позволить себе множество развлечений, но специально уходили в аскетизм. А сатирики, которые выживали за счет подачек патронов, вели помпезный образ жизни. Римская повседневность многослойна и неоднозначна, поэтому и представляет интерес для глубокого исследования.

Таким образом, необходимо отметить, что отношение к повседневности в античности и в современном мире сравнивать трудно. Во-первых, в античности положение людей ярко контрастировало. «Среднего класса» было мало, и его будни в античной литературе отражены недостаточно. Современные работы о повседневности, как правило, посвящены обычному человеку, который не является богачом или маргиналом, выживающим в лучшем случае на пособие (как рабы или слуги в Древнем Риме). Античные источники затрагивают два разных полюса и, как правило, ограничиваются описанием повседневных

⁵⁴ Утченко С. Л. Еще раз о римской системе ценностей / Древние цивилизации. Древний Рим. – М., 1997. – С. 331-336.

⁵⁵ Полибий. Всеобщая история / 2-е изд. Отв. ред. А.Я. Тыжов. – СПб., 1994-1995. – Т. 1. Книги 1-5, 1994. – С. 207-212.

процессов: рефлексия и попытка осознать качество будней отмечается не у всех авторов.

Во-вторых, осознание повседневности античными авторами, которые все же предприняли попытку это сделать, также содержит четкое деление на две позиции. Далее в исследовании мы неоднократно будем сталкиваться с заочной полемикой: с одной стороны – повседневность должна содержать яркие моменты, наполняться красотой и неограниченным по времени отдыхом; с другой позиции – аскетизм и скромность – это единственное, что может спасти человека.

Сочинения Плиния Младшего поэтому и важны для нашего исследования. Как мы отмечали выше, он был сторонником «золотой середины», и это позиция обычно отражена в большинстве современных исследований, посвященных повседневности. Тема социального и экономического положения как бедняков, так и очень богатых людей затрагивается и сегодня. Однако она носит специфический характер, и к нашему исследованию имеет лишь косвенное отношение.

Далее в нашей работе мы рассмотрим, каким образом позиция Плиния Младшего проявлялась в различных сферах повседневности. Безусловно, совершенно иной, отличный от современности мир Древнего Рима, трудно сравнить с нынешними реалиями. Но нас интересуют не отличия между наполнением домов или отношение к литературе, а дух и настроение древнеримской повседневности, которые сполна отражены в сочинениях Плиния Младшего.

ГЛАВА II. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ (БУДНИ) ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО

2.1. Дом в жизни римлян

Археологи, которые занимались изучением жилища Древнего Рима, сталкиваются с рядом трудностей: естественные разрушения временем, последствия извержения вулкана Везувия и стереотипы, которые были навязаны предыдущими исследованиями римского дома, а также с неточностями или неполнотой городского кадастра, который Септимий Север выставлял на форуме Мира⁵⁶. Подходы в изучении римского дома менялись, однако в нашем исследовании важны не частные детали, а, в первую очередь, – значение пространства дома, его богатства в период жизни Плиния Младшего.

В нашей работе мы преимущественно будем рассматривать *domus* – автономное сооружение, как правило особняк, в котором проживала одна семья. *Insulae* (многоквартирный дом, где проживало несколько семей) интересует нас в меньшей степени, поскольку в нем жили обычно римляне со средним или низким достатком.

Плиний Младший, принадлежа к более высокому сословию, проживал в строении типа *domus*, как и большинство его друзей, которым он адресовал свои письма. *Domus* могли позволить себе очень богатые люди. Так, во времена правления Цезаря роскошное частное жилище стоило порядка 30 тысяч сестерциев и могло располагаться (например, в Помпеях) на территории 800-900 квадратных метров, а то и почти в два раза больше⁵⁷. Дома очень богатых служащих поражали римлян своей величиной. Например, Сенека писал, что «некоторые дома занимают площадь больше крупных городов» [De ben. VII. 10. 5].

Римский *domus* строг в пропорциях, предназначения комнат заранее определено. Как правило, комнаты типичного римского дома для богатых

⁵⁶ Сергеевко М.Е. Жизнь в Древнем Риме. – СПб., 2000. – С. 211.

⁵⁷ Там же. – С. 213.

людей располагались в одном порядке: *fauces* (вход), *atrium* (атрий), *alae* (колоннада), *triclinium* (триклиний – специальный зал для трапез), *tablinum* (кабинет хозяина). Таким образом, *domus*, выйдя из-под влияния эллинистической архитектурной традиции, располагался строго горизонтально⁵⁸.

Но это лишь часть основных помещений *domus*'а. Обычно в богатом римском жилище были еще *cucina* (кухня, к которой добавлялись прачечная, пекарня, помещения для хранения вина и масла), *cubiculum* (спальня, где кровать, как правило, располагалась на мозаичном полу), *alae* (открытые помещения, которые располагались по бокам от кабинета и были предназначены для хранения произведений искусств, богатств и реликвий семьи), *oecus* (гостиная). Также внутри дома могло быть еще множество различных комнат, которые предназначались для гостей, танцев и других развлечений (подробнее об использовании этих комнат пойдет речь в следующей главе).

Domus не ограничивался только самим пространством основного здания и комнатами внутри него. Обычно у жилища зажиточных римлян были дополнительные пристройки: *peristylum* – внутренний двор, предназначавшийся исключительно для членов семьи, поскольку в нем находилось помещение для личных богов – *sacrarium*. В перистиле также был вырыт водоем, работали фонтаны и процветал небольшой садик⁵⁹. Для римских домов характерны разнообразные термы, которым Плиний Младший в своих сочинениях уделял особое внимание.

Domus чаще всего был двухэтажным жилищем. На втором этаже располагались балконы, садик, терраса, а еще столовые (*senaculum*). Стоит отметить, что окна в большинстве домов были сделаны только на втором этаже. Встречаются дома, на вторых этажах которых располагались спальни для семьи и прислуги⁶⁰.

⁵⁸ Никитюк Е.В. Быт античного общества. – СПб., 2005. – С. 11.

⁵⁹ *Liversidge J. Everyday life in the Roman Empire.* – London, 1976. – P. 234.

⁶⁰ Гиро П. Указ соч. – С. 230.

Древние римляне по-разному наполняли свои дома. Мебели было немного: передвижные ширмы, бронзовые канделябры, на которых располагались светильники того же материала. Формы и украшения светильников удивляли разнообразием и оригинальностью – римляне любили использовать формы человеческого тела (голова, ноги и т.д.). Обязательным атрибутом римского дома была библиотека, которая состояла не только из свитков папирусов (древнегреческий вариант), но также из книг, почти в современном варианте: сброшюрованных из пергамента, с рукописным текстом.

Большое значение для богатого римлянина имело спальное ложе. Ведь он на нем не только отдыхал, но также обедал и занимался рабочими делами. Обычно кровать была деревянной, подушки и матрацы набивались шерстью или пухом. Также кровать имела различные накладки (золотые, бронзовые, костяные – в зависимости от желания и финансовых возможностей владельца дома). Изголовье украшалось скульптурой (в Древнем Риме часто использовали голову мулла)⁶¹.

О том, как наполняли римский дом, можно судить по сатире Ювенал, который поведал, как римляне помогали людям, которые пострадали от пожара: «Мраморы тащат с собой; обнаженные статуи блещут; Этот творенья несет Евфранора или Поликлета; Эта – старинный убор божеств азиатского храма; Тот – и книги, и полки под них, и фигуру Минервы; Тот – четверик серебра. Так и Персик, бобыль богатейший. Глядь, поправляет дела и лучше и шире, чем были. И подозренье растет, не сам ли поджег он хоромы» [III, 220].

Плиний Младший в некоторых письмах пишет подробно об устройстве дома. Если римский адвокат сопротивлялся моде на роскошный образ жизни, то, что касается жилища и его обустройства, то тут, наоборот, Плиний ценит дорогостоящие материалы, из которых сделано жилище: его интерьер, наличие различных религиозных статуй, дополнительных пристроек, терм и т.д. В письмах Плиний никого не порицает за слишком богатый или большой дом.

⁶¹ Санчурский Н.В. Указ соч. – С. 78.

Помимо городского дома зажиточные римляне располагали обычно еще и загородным поместьем (villa). Римляне использовали термин «вилла» как придется, и его определение все еще находится под вопросом. В самом широком смысле вилла представляла собой сельский дом, чья романизованная архитектура отличала его от обычных усадеб коренного населения. Размеры подобных вилл варьировались от скромных домиков до больших поместий. Виллы развивались и процветали в эпоху Империи, распространившись в Африке, Испании, Провансе, Галлии, Британии, Германии и дунайских провинциях⁶².

Иметь сразу несколько вилл было в порядке вещей для римской знати. Плиний в письме Канинию Руфу пишет о скончавшемся проконсуле Силии Италике: «В одних и тех же местах у него было по нескольку вилл; увлекшись новыми, он забрасывал старые. Повсюду множество книг, множество статуй, множество портретов. Для него это были не просто вещи: он читал эти изображения, особенно Вергилия, чей день рождения праздновал с большим благоговением, чем собственный, особенно в Неаполе, где ходил на его могилу, как в храм» [Ш. 7]. Это имеет отношение и к Плинию. В письмах, которые мы рассмотрим далее, он описывает свою морскую виллу. Но известно еще и о наличии у адвоката тосканской виллы, которая приносила Плинию различные продукты питания⁶³.

Для строительства виллы обычно выбирали высокое место на южном склоне холма, который был наполнен ручьями. Подобное место, удаленное от вредных испарений низин и овеваемое ветрами, имело сразу два преимущества: хороший вид на окрестности и возможность в спокойствии поправить здоровье. Основа виллы – типичный domus, который повторял все ключевые черты основного дома, но всегда имел свои особенности, зависящие от географического расположения виллы, особенностей рельефа и желаний хозяина.

⁶² Адкинс Л.И., Адкинс Р.А. Древний Рим: энциклопедический справочник / Пер. с англ. В. Гончаров, А. Годин. - М., 2009. – С. 206.

⁶³ Кнабе Г.С. Указ соч. – С. 211.

Комнаты виллы были куда просторнее и многочисленнее, чем в городском domus'e. Дорогая вилла имела в наличии большой комплекс помещений, необходимых для поддержания здоровья и спокойного отдыха: термы (совместно с лакоником, кальдариум, тепидариум и фригидариум), бассейн для плавания, солярий, гимнастическая площадка, крытые аллеи для прогулок и обрамленный деревьями и подстриженным кустарником стадион, также предназначавшийся для прогулок⁶⁴.

В Южной Италии были даже своеобразные «курортные» места, иметь виллу в которых, считалось особым шиком. Так, на сегодняшний день известны результаты археологических раскопок в районе Стабий – места, где располагались десятки элитных вилл (San Marco, Arianna, del Pastore, Petrarо и т.п.). Все эти виллы отличали большие размеры (площадью от 6000 до 13000 м²), необычайно богатый декор (фрески, мозаики), наличие внутренних садинов (viridarium)⁶⁵.

В письме Галлу [Ш. 17]. Плиний подробно описывает все достоинства своей новой виллы, которую он приобрел за «приемлемую цену». Вилла располагалась с видом на море, в 17 милях от Рима. Плиний рекомендует Галлу закончить со всеми делами и отправиться к нему в гости: добраться до виллы просто – к ней ведут сразу несколько дорог. И, если Галлий не явится, то в глазах Плиния он будет «рабом города».

Римский адвокат доволен удачной покупкой и внутренним убранством виллы («в доме так чисто, что уже сейчас можно принимать гостей»). Описание виллы Плиний начинает с атрия (центрального входа в дом) и триклиния, который располагался вслед за ним, уделяя внимание природным видам, которые открывались с виллы: «...Скромный, но со вкусом устроенный; за ним в форме буквы "D" идут портики, окружающие маленькую милую площадку: в плохую погоду нет убежища лучше – от нее защищают рамы со слюдой, а еще больше нависающая крыша...Когда при юго-западном ветре на море

⁶⁴ Там же. – С. 213-214.

⁶⁵ In Stabiano. Exploring the Ancient Seaside Villas of the Roman Elite / Ed. by Pesce A. – Napoli, 2004. – P. 31.

поднимается волнение, то последние волны, разбиваясь, слегка обдают триклиний. У него со всех сторон есть двери и окна такой же величины, как двери: он смотрит как бы на три моря. Оглянувшись, ты через перистиль, портик, площадку, еще через портик и атрий увидишь леса и дальние горы» [Ibid.].

Следом Плиний продолжает описывать подробности своей новой виллы. Под открытым небом, недалеко от дома, располагалась площадка для гимнастических упражнений, где занималась семья хозяина. В самом доме было восемь комнат непосредственно для владельца дома и членов его семьи. Первая, самая большая, располагалась слева от триклиния. Вторая, чуть меньше, освещалась двумя окнами.

Причем, одно предназначено для дневного света, а другое – для вечернего, и, по словам Плиния, это окно стоит значительно дороже (адвокат часто сетует на дороговизну элементов дома, но признает – дешевые материалы он не может позволить себе по статусу). Третья комната сделана в форме полукруга: она лучше всех освещена в доме, предназначена для хранения книг и чтения. Четвертая комната – спальня – располагалась через небольшой коридорчик, который вел в небольшие комнаты для рабов и прислуги.

Еще три комнаты Плиний подробно не описывает: вероятно, римский адвокат еще не разобрался или не запомнил подробности плана дома («...там располагалась то ли спальня, то ли столовая»). В описаниях дома римский адвокат любил подчеркнуть, что некоторые вещи обошлись ему в немалую сумму, но Плиний все равно в своих письмах невольно повторялся – статус дома, его убранство для государственного служащего крайне важны, и лучше вложиться в жилище, чем в постоянные приемы, пиршества и гуляния, которые забываются уже на следующий день.

С еще большей экзальтацией Плиний описывает помещения, которые примыкали к дому. Начинает римский адвокат с бани: «просторный фригидарий с двумя бассейнами, которые, круглясь, словно выступают из противоположных стен. Если принять во внимание, что море рядом, то они даже слишком вместительны. Рядом комната для натирания, гипокауст, рядом

пропнигий; затем две комнатки, отделанные скорее со вкусом, чем роскошные. Тут же чудесный бассейн с горячей водой, плавая в котором видишь море» [Ibid.].

Отдельно у Плиния располагается площадка для игры в мяч («где всегда очень жарко»), рядом с которой возвышается башня с полуподвальными помещениями, в которых расположены амбар, кладовая, а под ним – еще один триклиний. Вид из триклиния открывается на сад, окруженный аллеей: «Аллея обсажена буксом, а там, где букса нет, розмарином. К аллее с внутренней стороны примыкает тенистая дорога, мягкая даже для босых ног, оставляющих в ней свои отпечатки. В саду много шелковицы и смоковниц; для этих деревьев земля очень хороша; для других хуже. Этим видом из столовой, далекой от моря, наслаждаешься не меньше, чем видом моря. Сзади нее две комнаты, под окнами которых вход в усадьбу и другой сад, по-деревенски обильный [Ibid.].

Своими «любимыми помещениями» Плиний называет солярий (который смотрит с одной стороны на море, а с другой – на сад) и спальню, которая представляла собой помещение с двумя кроватями и креслом. Плиний особо ценил спальню, поскольку она была идеальным местом для уединения, определенного эскапизма, который позволял римскому адвокату отвлечься от дел: «Стоит закрыть окна, и туда не долетают ни голоса рабов, ни ропот моря, ни шум бури; не видно блеска молний и даже дневного света. Такая полная отключенность объясняется тем, что между спальней и стеной, обращенной к саду, проходит коридор: все звуки поглощены этим пустым пространством» [Ibid.].

В письме Канинию Руфу Плиний интересуется его виллой на озере Комо. Данное письмо важно тем, что Плиний не только свидетельствует о типичной римской вилле, но и еще подчеркивает важность внимательного отношения к ней. Если относиться к ней поверхностно, то, по мнению адвоката, человек становится «одним из многих»: «Ну как Комо, наша с тобой радость и прелестная пригородная вилла? Порттик, в котором всегда весна, аллея платанов с ее густой зеленью? Канал с водой, отсвечивающей зеленью? Пруд внизу, он к нашим услугам? А та дорожка с землей плотной, но мягкой для ноги? А баня,

круглый день залитая солнцем? столовые для большого общества и те, что лишь для некоторых? Комнаты, где ты проводишь день, и спальни две? Они завладели тобой и передают, чередуясь, одна другой? Или тебя, внимательного хозяина, отвлекают обычные твои частые разъезды по имению? Если завладели тобой – счастливый ты человек, а если нет, ты один из многих» [I. 3].

Таким образом, можно сказать, что Плиний Младший, презирая тягу большинства римлян к активному потреблению удовольствий и показному богатству, не занялся эскапизмом и не ушел в радикальный аскетизм. Но мы не усматриваем противоречия в том, что римский адвокат ругал элиту за слишком расточительные обеды, а сам содержал две довольно затратные виллы.

Плиний Младший высоко ценил пространство – богатый красивый дом был для него, прежде всего, способом уединиться – с самим собой или со своей семьей. Плиний обращал внимание на гармонию своего дома с природой: как отражается дневной свет или вообще он почти не проникает в дом («люблю сумрак и полумрак»), как слышен вечером прилив моря и т.д. И именно за это Плиний и платил большие деньги – за комфорт и эстетическое удовольствие, которое он получал от красоты, удачного расположения и удобства своих вилл.

2.2. Трапеза

Традиционные трапезы носили скромный характер. Как правило, у римлян они были три раза в день. Ели не очень много и в основном простые продукты: овощи, фрукты, нежирное мясо. Зачастую на таких трапезах много говорили, велись дискуссии, читали стихи (если рассматривать тех представителей элиты (в основном это интеллектуальная элита), часть которой плохо относилась к пышным трапезам⁶⁶). В обед римляне зачастую употребляли рыбу, мясо и другие насыщающие блюда. Ужин зависел от статуса и желаний: можно было отправиться на пышный пир, а можно было просто поесть

⁶⁶ Винничук Л. Указ. соч. – С. 242.

фруктов, кашу и другие не жирные и калорийные продукты. А некоторые римляне и вовсе отказывались от поздней трапезы⁶⁷.

В письмах Плиния Младшего можно встретить много упоминаний о трапезе. Плиний не придавал особого значения самому процессу трапезы, идя на обед или приглашая кого-то больше для бесед. О чём, например, говорит письмо Плиния Катилию Северу: «Я приду на обед, но вот мои условия: он должен быть прост, дешев и изобиловать только беседами в сократовом духе, но и тут в меру. В нашем обеде пусть все будет в меру: и убранство стола, и расходы, и обед, и время, за ним проведенное» [III, 12].

О достаточно спокойном отношении Плиния к еде также говорит его следующее высказывание: «Так ведь и на пиру: хотя многие из нас и не дотронутся до большинства кушаний, но в целом обед мы все обычно хвалим, и еда, которую желудок отказывается принимать, не лишает вкуса ту, которая ему приятна». [III, 5].

Естественно, что скромная трапеза, преимущественно, была у более бедного слоя общества – здесь уже зачастую играла роль не позиция римлянина, а доход. Впрочем, и бедняки несколько раз в год устраивали относительно пышные пиры. Касательно стола римской бедноты, то он был скуден: дешёвая соленая рыба, варёные люпины, бобовая каша с салом, капуста, каши. Рабы и вовсе употребляли в основном исключительно растительную пищу, и она была строго для них дозирована в соответствии с различными нормами⁶⁸.

Некоторые знатные римляне порой критиковали стол, были недовольны его скромностью и качеством. Корнелий Тацит, к примеру, пишет: «Был на одном пиру у среднего оратора. Давали какой-то плохой хлеб, рыба явно недоваренная, а вино вообще пить невозможно. Намекнул хозяину, что стол не очень хороший, но услышал только какой-то вздор о долгах и прочем. Я как человек воспитанный побыл еще немного, но дальше были какие-то скучные

⁶⁷ Коуэл Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура. – М., 2006. – С. 136.

⁶⁸ Коуэл Ф. Указ. соч. – С.208.

чтения, и потянулся за всеми, когда стало понятно, что вечер не удался...» [Тас. VI, 32]

Вполне очевидно, что скромная трапеза была более типичной для не особо богатого римского населения, но и люди с достатком порой отвергали пышные пиры и предпочитали достаточно скромный и простой стол. Причин отказа от серьёзных и пышных трапез несколько. Разумеется, это и моральная сторона вопроса – переедание вкупе с пьянками и непристойными развлечениями в какой-то степени считались грехом. Также, не стоит забывать о здоровье. Уже в те времена медицина знала о болезнях, которые были вызваны регулярным перееданием, поэтому очень многие предпочитали вести более сбалансированный образ жизни. Так думал и Плиний Младший, который зачастую просто игнорировал подобные мероприятия, хотя, по своему важному статусу, иногда просто не мог их пропускать.

Однако далеко не все проявляли подобную скромность. Постепенно у римлян застолья (особенно вечерние) становятся всё обильнее и насыщеннее, занимая всё более значимое место в жизни древних римлян. Что интересно, Плиний именно на больших и затратных трапезах практически не останавливается в своих письмах и литературе, считая такие пиры ненужными и мешающими работе человека: «Оставь же при первой удобной службе этот грохот, пустую болтовню, нелепейшие занятия; сохрани себя для литературы и предайся досугу»⁶⁹.

Такая трапеза могла длиться и 3-4 часа, а то и до зари. Как правило, насыщенные пиры сопровождались алкоголем, песнями, танцами и разговорами. Проводились эти пиршества в специальной комнате – триклинии, в которую изначально не пускали женщин, но и этот запрет скоро был снят. Сами эти помещения, особенно в богатых домах, были отделаны золотом, серебром, слоновой костью. Посуда, которая использовалась для еды, также не была простой: из хрусталя, золота, серебра, а в качестве украшений использовали даже редкие виды драгоценных камней. Особое внимание

⁶⁹ Сергеенко М. Указ соч. – С.76.

уделялось ароматам. В триклинии было много цветов, а также использовались различные ароматические настойки⁷⁰.

Сам процесс пиршеств сочетал в себе и мирское, и сакральное начало. Римляне были достаточно религиозны, поэтому даже такие, не самые «моральные» пиршества ещё сохраняли элемент культа богам. Например, богине-хранительнице очага Весте перед трапезой подносилось специальное блюдо с едой. В триклиниях имелись статуи многих античных богов, гости перед трапезой добрым словом упоминали ангела-хранителя дома. Привычные для современного человека вещи и предметы были у римлян возведены в культ.

Стол, к примеру, был действительно священным местом. Римляне отождествляли помещение для пиршеств как своеобразный космос, в котором стол являлся плодородной Землей. Например, Нерон решил еще сильнее отождествить триклинию со вселенной, сделав обеденный зал круглым, как и стол, который, подобно Земле, находился в движении. Также в некоторых богатых домах к концу трапезы, неожиданно для гостей, открывалось отверстие в потолке, откуда появлялись баночки с мазями и золотые венки, которые олицетворялись как подарки небес⁷¹. Но на пышных трапезах был не только элемент жизни, но и смерти. Изначально запрещалось убирать пол, на котором имелись остатки пищи после пиршества – это еда предназначалась для мертвых. Но позже на полу, с целью гигиены, стала изображаться еда. Также у римлян был и астрологический культ. Имелись специальные блюда, которые олицетворяли собой 12 знаков зодиака.

Сакрально-мистическая сторона присутствовала практически во всех сторонах пышной римской трапезы. В том числе, и в количестве гостей. Как минимум, их могло быть 3 (по числу Граций), но имелся и максимум – 9 гостей (по числу Муз). Также римляне старались всячески избегать четного числа участников трапезы. Существовало много различных примет: запрещалось входить в триклинию с левой ноги, последний закончивший трапезу или покинувший стол, рисковал, по мнению римлян, остаться навсегда холостым, а

⁷⁰ Робер Ж.-Н. Указ соч. – С.78.

⁷¹ Коуэл Ф. Указ. соч. – С.211.

гость, который выходил из-за стола во время трапезы, мог умереть в течение года.

Гость, приходя в дом, уже должен был соблюдать несколько правил. Во-первых, он должен снять уличную одежду и надеть простое без пояса платье, ведь пояс у римлян символизировал замкнутый круг, наличие которого, как полагали, носило для человека пагубный характер⁷². Перед трапезой гости обязательно должны были вымыть руки, поскольку ели они именно ими, ибо ни ножа, ни вилки тогда еще не знали.

В тот период кулинария в Риме находился на серьезном подъеме. Многочисленные завоевания Рима влияли не только на политическую и военную ситуацию, но и на кулинарную, ведь постепенно узнавались различные блюда и традиции многих кухонь мира. Плиний Младший нечасто касается темы содержания стола, однако в письме к Септицию Клару, которого он обругал за то, что он не явился на его обед (достаточно скромный по тем меркам), отчетливо видно, каково было разнообразие еды на римском столе: «Послушай! Обещаешь быть к обеду и не приходишь! В суд – уплати до асса расходы – и не малые! приготовлены были: по кочанчику салата, по три улитки, по два яйца, пшеничная каша с медовым напитком и снегом (посчитаешь и его в первую очередь, потому что он растаял на блюде), маслины, свекла, горлянка и тысяча других не менее изысканных блюд. Ты услышал бы или сцену из комедии, или чтение, или игру на лире, а пожалуй и все это – вот какой у меня размах!

Будешь наказан, как – не скажу! Но поступил ты жестоко, лишив удовольствия – себя ли, не знаю, а меня конечно; впрочем и себя. Как бы мы позабавились, посмеялись, позанимались! Пообедаешь роскошнее у многих, нигде веселее, спокойнее, непринужденнее. В общем, проверь, и если потом ты не предпочтешь отказывать другим, отказывай всегда мне» [I, 15].

Блюда и их компоненты, которые были на трапезе, постепенно менялись. Безусловно, изначально, преобладали простые блюда: каша, овощи (репа, морковь, рапс, свекла), фрукты (яблоко, слива, груша, виноград). Римляне

⁷² Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. – М., 2008. – С. 128.

также очень любили салат латук, который использовался во многих блюдах. Всё чаще на римский стол проникает мясо. Оно, правда, не было в широком доступе, и только обеспеченные римляне употребляли баранину, свинину, телятину, говядину, а также мясо домашних птиц (курица, утка). Обязательные для стола была рыба и морепродукты. «А ты предпочел есть у кого-то устриц, свинину, морского ежа и смотреть на гадитанок» [Ibid] – пишет также Плиний Септицию.

Характерно для римской кухни то, что использовалось много приправ, перца, тмина, кориандра, которые присутствовали в очень многих блюдах, дабы дополнительно возбудить аппетит. Также было очень много различных вариаций соуса, который был обязательным атрибутом трапезы. Римляне очень любили сладкое.

Конечно, сахара в тот период ещё не было, однако мёд использовали почти везде: и с хлебом, и с рыбой. Стоит отметить, что рецепты достаточно долгое время носили простой характер, но уже во времена Плиния Младшего приготовление блюд становится своеобразной наукой, хотя сам Плиний не был поклонником кулинарных изысков⁷³.

Непосредственно ужин состоял из трех частей (римляне очень любили это число): закуски, три основных блюда и десерт. Например, такой был обычный состав трапезы на инаугурации жреца Марса: закуски – моллюски, морские ежи, сырые устрицы, дрозды, жирная курица на спарже, паштет из устриц из петушков, мухоловки, филе козлёнка и кабана, пирог с жирной домашней птицей, моллюски; основные блюда – свиное вымя, кабанья голова, варёная утка, жаркое из домашней птицы; десерт – мучной крем и печенье⁷⁴.

Выше мы говорили о том, что трапеза носила сакральный характер, имела строгие правила, и каждый гость должен был соблюдать определённые нормы, однако зачастую римляне забывали обо всех ограничениях, и (что не нравилось многим, в том числе и Плинию) сама трапеза приобретала слишком весёлый,

⁷³Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. – М., 1914. – С. 223-226.

⁷⁴Робер Ж.-Н. Указ соч. – С.111.

чрезмерный в еде и алкоголе и даже непристойный характер. Гостям было нужно съесть огромное количество различной еды, необходимо было выпить очень много вина. А занятия на подобных пышных трапезах носили далеко не самый интеллектуальный характер. Выступали на пирах различные шуты, мимы, которые пели, танцевали и всячески развлекали гостей. А серьёзные театральные представления, беседы философского толка, литературные чтения были редки⁷⁵.

Впрочем, не стоит заявлять, что исключительно такого толка были трапезы. Плиний Младший, как мы уже отмечали выше, был приверженцем скромного стола, как и многие его современники, которые считали вышеописанные римские застолья безнравственными.

Однако постепенно мода на чревоугодие распространяется. Сложность ситуации заключалась не только в том, что многие римляне влезали в серьёзные долги и имели финансовые трудности, но и в здоровье людей, которые от чрезмерного переедания имели множество болезней. Но желание устраивать пышные пиры было выше, и государство, по сути, не справилось с этой проблемой римского высшего общества⁷⁶.

Недаром Плиний Старший в своем произведении говорит об опасности постоянного пьянства: «Одни вслух заявляют о своих завещаниях, другие выбалтывают смертоносные тайны и не могут удержать слов, которые войдут им в горло, – сколько людей так погибло! По пословице – истина в вине...» [Plin. Sec. Epist. XVI, 141].

Таким образом, римская трапеза разделилась на две категории. Первая – это скромный приём пищи, который часто сопровождался философскими беседами, иногда литературными чтениями. На них редко присутствовал алкоголь.

Совсем скудный набор еды доставался клиентам (речь о которых пойдет ниже). Несмотря на приближенность к богатым людям, они были вынуждены

⁷⁵ Сергеев М. Е. Указ. соч.— С.229.

⁷⁶ Там же. – С. 112-113.

довольствоваться мало: простой похлебкой, хлебом и овощами. О том, как порой приходилось унижаться клиентам в поисках пропитания, пишет Ювенал:

«Вот уж из сеней уходят, устав, пожилые клиенты: Как ни живуча у них надежда - авось пообедать, но расстаются с мечтой, покупают дрова и капусту; Их же патрон будет жрать между тем все» [1, 130].

Поэт Марциал (который и был клиентом) описал типичный обед между клиентами, которым не досталось много еды: «Если грустно, один обедать должен, что ж, иди голодать со мной, Тораний. Коль закуску вперед иметь желаешь, лук тяжелый я дам, салат дешевый. Дам и рыбы в кусках, ломтями яйца, дам капусты тебе зеленой - в черном будет блюде она, сожжешь все пальцы, – только с грядок она взята прохладных; Дам тебе и колбас я в белой каше, желтоватых бобов на красном жире. Коль второе себе ты блюдо хочешь, вот сухой виноград к твоим услугам, или груша – зовут ее сирийской, иль каштан, что в Неаполе рос мудром: пекся он на огне, не очень сильным. Нам дрянное вино – хорошим станет» [V, 78].

Второй же тип трапезы – гораздо более пышный, имевший сакральное начало, который включал в себя огромное количество блюд, различного алкоголя, а сопровождалась эта трапеза песнями, танцами и другими исключительно развлекательными действиями. К более скромному виду трапезы прибегали в основном люди меньшего достатка, а также некоторые поэты, писатели (к числу которых относился и Плиний) и просто люди, которые презирали чрезмерное употребление пищи. Ко второй категории относился практически весь высший свет римского общества – устраивать пиры стало модно, богатые дома буквально состязались в своеобразном соревновании, у кого же пышнее получится трапеза.

2.3. Распорядок дня зажиточного римлянина

Рассмотрение данной темы, безусловно, предполагает учет различных нюансов. Например, «график работы» римлянина эпохи Плиния Младшего. В нашем случае речь идет о богатом сословии (по этой причине бытовые дела по

ведению домашнего хозяйства мы практически не затрагиваем – они были обязанностью рабов), график которого зачастую был хаотичен, в отличие, например, от простого ремесленника.

Так, Плиний Младший во многом зависел от расписания дел в суде, которые могли вынудить адвоката работать весь день. Или наоборот – отмененное заседание освобождало день Плинию, который в таком случае использовал его для работы с клиентами на дому. Поэтому цель данного параграфа – не составление почасового расписания состоятельного римлянина, а выделение общих и отличительных черт режима дня Плиния от других представителей римской элиты.

Режим римлянина не совсем совпадает с режимом современного человека. В эпоху Плиния Младшего его современники предпочитали подниматься с постели очень рано – до восхода Солнца. Но до полудня римляне могли проводить и в кроватях, поедая завтрак, принесенный слугами или родственниками. Поэт Марциал пишет, почему римлянам было сложно заснуть после рассвета: «С самого восхода солнца им [римской знати] некуда деться от оглушительного шума, доносящегося с улиц и площадей, в котором удары медников и кузнецов мешаются с гомоном голосов школьников. Чтобы спастись от шума, богачи забираются вглубь особняков с толстыми стенами, обнесенных садами. Но там их сотрясает внутренний шум, издаваемый бригадами слуг, на которых возложены работы по дому. Свет едва пробивается, а по сигналу колокола дом уже наполнила орда уборщиков с заспанными лицами» [V. 11].

Нарушали режим римлян и бессонные ночи, посвященные работе. Отсюда пошло слово *Lucubratio* – т.е. – работа по ночам, при свете лампы⁷⁷. Римляне имели привычку слишком рано бодрствовать, поэтому большую часть ночи посвящали рабочим делам, используя восковую лампу.

Но Плиний Младший не был сторонником такого графика. Днем он порой одержимо выступал на судебных заседаниях («только ночь прервала мое затяжное выступление» [VII. 11]), а ночью предпочитал спать. В письме

⁷⁷ Гиро П. Указ соч. – С. 119.

Презенту адвокат взывает друга перестать бодрствовать и вернуться к рабочим будням: «До каких пор будешь бодрствовать, когда захочешь, спать, пока захочешь? До каких пор не будешь надевать башмаков, оставишь тогу лежать и весь день будешь свободен? Пора тебе вновь взглянуть на наши тяготы, хотя бы только для того, чтобы не пресытиться этими удовольствиями» [VII. 3].

Только в юности, когда ночью Рим периодически беспокоили землетрясения, Плиний не мог уснуть и занимался делами и чтением. О своих воспоминаниях римский адвокат подробно пишет Тациту: «Уже много дней ощущалось землетрясение, не очень страшное и для Кампании привычное, но в эту ночь оно настолько усилилось, что все, казалось, не только движется, но становится вверх дном. Вдруг появляется дядин знакомый, приехавший к нему из Испании. Увидав, что мы с матерью, сидим, а я даже читаю, он напал на мать за ее хладнокровье, а на меня за беспечность. Я продолжаю усердно читать» [VI. 20].

Раннее утро знатные римляне, как правило, посвящали время своим клиентам (в некоторых случаях их навещали друзья или более статусные римляне)⁷⁸. Патронаж был важнейшей частью в жизни Древнего Рима. А главное – выгоден как клиентам (в качестве которых могли выступать и целые города), так и патронам, которые могли вступать в подобные отношения не только ради финансовой выгоды, а даже из самолюбия и всеобщей моды на клиентелу.

Поэтому знатные римляне, включая Плиния Младшего, существенную часть своего дня посвящали клиентам. А многие были готовы жертвовать своей репутацией в императорском дворе (например, Катон, нажил немало врагов, защищая испанцев⁷⁹). В случае с Плинием это особенно необходимо подчеркнуть, поскольку он работал адвокатом и был занят клиентами разного социального статуса и финансового положения.

Также Плиний был важным городским патроном (префектом Сатурновой казны), который часть своего дня уделял интересам города и его жителей. Он не

⁷⁸ Кнабе С.Г. Указ соч. – С. 79.

⁷⁹ Ковалев С.И. Указ соч. – С. 324.

только отстаивал их интересы в суде, но и организовывал обеды. Это отнимало у адвоката достаточно много времени, поэтому он зачастую перекладывал подобные организационные вопросы на своих помощников или друзей.

В одном из писем Аннию Северу он просит заняться специальной именной табличкой для статуи, которая бы прославляла деятельность Плиния (что, в целом, было характерно для деятельности крупных патронов⁸⁰): «Ты, как это обычно со всем, что я тебе поручаю, возьми на себя и эти хлопоты, закажи уже сейчас базис из любого мрамора, чтобы поместить на нем мое имя и мои титулы, если сочтешь нужным их добавить. Статую я пришлю тебе, как только найду человека, которого она не затруднит, или – этого тебе больше хочется – привезу ее с собой. Я намерен, если должность позволит, вырваться к вам» [V. 5].

А в письме Фабату (деду своего жены) рассказывает, какого это быть патроном целого города, когда многие тебя просто боготворят: «Есть по соседству с нашими имениями городок Тифернум Тиберинум по имени. Он выбрал меня, почти мальчика, в свои патроны: расположения ко мне было тем больше, чем меньше благоразумия. Празднуют мое прибытие, огорчаются отъездом, радуются почетным званиям. И я в благодарность (стыдно ведь любить меньше, чем любят тебя) выстроил им на свои деньги храм; он готов, и еще откладывать его посвящение было бы нечестием» [IV. 1].

Система клиентских связей (или патронат⁸¹) была отличительной чертой общественных отношений в древнеримском мире еще со времен Республики и пронизывала едва ли не все сферы общественного бытия. Если главным критерием положения рода считались занимаемые магистратуры и ранг в сенате, то на втором месте наряду с древностью рода, семейными связями и

⁸⁰ Рошер В. Указ соч. – С. 130.

⁸¹ Подробнее об этом см.: Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Interpersonal relations and the Structure of Trust in Society. - Cambridge, 1984. - 352 p.; Patronage in Ancient Society / Ed. John Rich. - London, 1990. - 255 p.; Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. - Cambridge, 1982. - 222 p.; Winterling A. Friendship and Patron-Client Relations // Politics and Society in Imperial Rome. - Oxford, 2009. - P. 34-57.

богатством отмечаются клиентские отношения⁸². Британский историк Иан Вуд считает клиентелу ключевым маркером для определения статуса аристократа⁸³.

Клиентела носила иерархический характер, но обязательства были взаимны. Патрон выступал в качестве защитника, «спонсора», и благодетеля клиента. Хотя обычно клиент являлся представителем низшего социального слоя, клиент и патрон могли иметь одинаковый социальный статус, но последний при этом обладал большим богатством, властью, или престижем, что позволяло ему оказывать помощь или какие-либо услуги.

Практически каждый из римских авторов, так или иначе, упоминает в своих работах моменты, связанные с функционированием интересующей нас системы. В эпоху Империи об этом писали Марциал (который и сам был клиентом), Ювенал, Плиний Младший и мн. др⁸⁴.

По письмам Плиния можно доказать, что институт клиентелы был и важным социальным лифтом в Римской империи. В письме к сенатору Монтану Плиний иронично отзывается о Палланте – вольноотпущеннике, клиенте императора Клавдия, который, к удивлению адвоката, стал важной городской фигурой:

«Есть на тибуртинской дороге на первой миле (я недавно это заметил) памятник Палланта с такой надписью: «Ему сенат за верность и преданность по отношению к патронам постановил дать преторские украшения и пятнадцать миллионов сестерций, каковой честью был он доволен.

Я никогда не восхищался тем, что посылает чаще судьба, чем здоровое суждение, но эта надпись особенно напомнила мне о том, как комичны и нелепы почести, бросавшиеся иногда этому грязному подлецу, которые этот

⁸² Егоров А.Б. «Цивилизация досуга» в римской культуре (от Цицерона до Плиния Младшего) // Феномен досуга в античном мире / Под ред. Э. Д. Фролова. - СПб., 2013. - С. 309.

⁸³ Wood I.N. Family and Friendship in the West // Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600 / Eds. Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. - Cambridge, 2008. - P. 417.

⁸⁴ Литовченко Е.В. Особенности клиентских отношений в позднеантичный период (по письмам Сидония) // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Выпуск IV: сборник научных трудов к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. – Белгород, 2015. - С. 158-159.

висельник осмеливался и принимать и отвергать и даже выставить себя потомкам как образец воздержанности» [VI; 27].

Касательно трудолюбия римлян исследователи обычно указывают на то, что с постепенным закатом Империи, уменьшилось стремление римлян больше трудиться⁸⁵. Это, во многом, связано с проникновением в римскую культуру восточных традиций. Многие римские авторы анализировали динамику римских нравов и одной из главных причин их падения называли восточную лень, стремление к роскоши и высокомерию. Это отражалось не только на богатом сословии, но и на простых солдатах, о чем пишет Плиний Траяну:

«Как прекрасно, что дисциплину в лагерях, пошатнувшуюся и почти совсем упавшую, ты снова восстановил, преодолев пороки предшествующего поколения: лень, упрямство и нежелание повиноваться». [II, 19]

В уже рассмотренных фрагментах сочинений Плиния мы находим подтверждение, что элита не перетруждала себя: богатые люди (многим из которых состояние досталось по наследству) предпочитали проводить досуг без лишнего напряжения – работа занимала совсем немного времени, а домашние дела выполняли десятки различных слуг и рабов, которые образовывали невиданную доселе неповоротливую структуру⁸⁶. Однако не только беззаботные римляне с большим вниманием относились к рабам. Это был важнейший институт, который пусть и забирал много денег у хозяина, но, тем не менее, существенно освобождал его рабочий день.

Подтверждение этому находится в письме Плиния Патерну, которое показывает, как трепетно относились к качеству рабов в Древнем Риме. Важен был не только их внешний вид (ценилась физическая крепость в связи с тяжестью работ), но и внутренние моральные качества (ведь они, по сути, становились частью семьи): «Я вполне полагаюсь на твой ум и на твои зрительные впечатления. Это не значит, что ты понимаешь очень много, – не зазнавайся, понимаешь ты столько, сколько и я, что тоже не мало. Бросим шутить; по-моему, рабы, купленные по твоему совету, вид имеют приличный;

⁸⁵ Кнабе Г.С. Указ соч. – С. 124.

⁸⁶ Сергеенко М.Е. Указ соч. – С. 211.

только бы были бы они честны, но тут уже надо полагаться не на то, что видишь, а на то, что услышишь» [VI. 20].

Но необходимо отметить - не всегда высокий социальный статус заставлял отказаться от труда. Тем же земледелием и садоводством продолжали заниматься многие богатые римляне⁸⁷. Дионисий Галикарнасский писал, что «многие богатые римляне повадились заниматься не своими делами – ухаживают за деревьями, как за маленькими детьми, внимательно высматривая – будто они тотчас после их важного взгляда начнут обильно плодоносить» [III. 15]. Впрочем, не будем забывать, что одним из занятий, достойных истинного римлянина, считалось, по Вергилию, земледелие (в любом его проявлении).

Однако только не утруждающий физически труд ценился у римлян. Большинство труда попадало под категорию «рабского» и не было в почете. Более того, он вообще не рассматривался как неотъемлемый признак достойного человека. Человеческий идеал предполагал индивида – члена государства, гражданина, поглощенного общественной, политической, культурной жизнью, а не изнуряющим физическим трудом⁸⁸.

Уже при Плинии Младшем намечается тенденция, которую многие исследователи называют одной из причин падения Римской империи – люди перестали трудиться (в данном случае под трудом стоит понимать любую работу, в том числе – умственную), как их предки, и за несколько веков стали слабее и не подготовились к большим вызовам самому государству. Однако Плиний относился к тому поколению римлян, которые не боялись усердного труда.

Так, в письме Канинию Плиний Младший сетует на излишнюю занятость, невозможность найти время для отдыха (которого он хочет «как больной ключевой воды») из-за постоянного появления новой работы: «Занят ты всем этим или чем-либо одним, но я не могу сказать «завидую»: я тоскую от того, что все это мне заказано, а я так этого хочу, как больные вина, бани, ключевой

⁸⁷ Велишский, Ф.Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. – М., 2010. – С. 230.

⁸⁸ Ebert J. Die Arbeitswelt der Antike. – Wien; Köln; Graz, 1984. – S. 87.

воды. Неужели я никогда не оборву эти путы, если развязать их не разрешено? Никогда, думаю. К старой работе добавляется новая, а и прежняя еще не доделана. Так опутала меня эта со дня на день вытягивающаяся цепь непрерывных занятий!» [II. 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что Плиний Младший много времени уделял работе адвоката, а также своим клиентам. Бытовую работу по дому в основном выполняли слуги и рабы. Но это был обычным явлением рассматриваемого периода – богатым римлянам было обычно некогда заниматься бытом. Время отнимала или работа вне дома, дела клиентов (как в случае с Плинием) или различные праздники, торжества и прочие развлечения. Домашние дела часть представителей высшего сословия воспринимали как часть отдыха – например, возможность размеренно поработать в огороде. Это относится и к Плинию, который ценил свое время и даже отдых на вилле старался конвертировать в полезные дела по дому и саду.

Для Плиния труд и дела – важнейшая часть жизни. Он не мыслил себя без напряженной адвокатской работы, постоянных выступлений и защите клиентов. Однако римский писатель считал важным не только выполнить свою работу, но и прославиться. В труде, адекватном своему высокому положению, как и другие римляне его эпохи, он видел нечто сакральное, поэтому в главном храме города просил поставить статую с именной табличкой.

Таким образом, необходимо отметить, что будни богатого римлянина зависели во многом от личного отношения к жизни. Негласные каноны, безусловно, существовали, и от них зависело, в какой круг общества тебя примут. Большинство состоятельных римлян продолжало делать из будней бесконечный праздник: шикарно обставлять дом, устраивать пышные пиры и практически не утруждать себя тяжелой работой.

Плиний относился к числу других людей. Для него повседневность – это в основном напряженный труд, судебные заседания и защита своих клиентов. Плиний четко разграничивал для себя рабочие и свободные дни, несмотря на то, что в одном своем письме он мог уделить внимание сразу целому спектру событий – делам друзей или семьи, происшествиям, судебным заседаниям,

публичным чтениям и другим развлечениям. Но в этом и состояла типичная повседневность, которую в жанре письма отображается наиболее аутентично.

ГЛАВА III. ПРАЗДНИКИ И ДОСУГ ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО

3.1. Праздничные торжества

Древнеримский календарь наполнен огромным количеством разнообразных праздничных торжеств. По оценке Е.В. Никитюк, ни один народ в мире за всю историю человечества не получал столько пестрых и масштабных праздников, которые бы нагружали календарь наравне с обычными будними днями⁸⁹. При этом – виды развлечений регулярно обновлялись, и даже в самые тяжелые годы существования Римской империи правители, не смотря ни на что, обеспечивали своему народу поводы для гуляний и отвлечения от непростой ситуации в экономике и кризисе в военно-политической сфере.

О количестве римских праздников можно судить по календарям Филокала (*Chronographus anni CCCLIII*⁹⁰, 354 г.) и Полемия Сильвия (*Laterculus*⁹¹, 448/9 гг.), а во времена Плиния Младшего действующим был так называемый Юлианский календарь⁹², разработанный александрийскими учеными во времена Юлия Цезаря и действующий в Римской империи с 1 января 45 г. до н.э. (*Suet. Caes. 52.1; Plut. Vit. Paral. Caes. 59; Plin. NH 18. 57 et al.*).

Довольно подробные сведения о римских праздничных днях можно получить из поэмы Овидия (*Ovid. Fasti*), сохранившейся только в 6 книгах, охватывающих первое полугодие римского календаря, «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского (*Dion. Hal., Rom. Antiq.*), сочинения позднеантичного писателя-энциклопедиста Макробия (*Macr. Sat.*) и др.

⁸⁹ Никитюк Е.В. Указ соч. – С.14.

⁹⁰ *Monumenta Germaniae Historica. Theodor Mommsen (Hrsg.): Auctores antiquissimi 9: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (I). Berlin 1892, S. 13-148 [Электронный ресурс]. - URL: <http://daten.digital-sammlungen.de/~db/bsb00000798/images/index.html?seite=25&pdfseite=>*

⁹¹ *Ibid. Chronica minora saec. I, 511 ff. Berlin 1892 / Также опубликовано Т. Моммзенем в Corpus Inscriptionum Latinarum, I, 335-357.*

⁹² *Stern S. Calendars in antiquity: Empires, states, and societies. - Oxford, 2012. - P. 178.*

Исследователи предполагают, что традиция отмечать большое количество дат связана еще с историей латинов⁹³. 22 священных праздника отмечались римлянами в независимости от обстоятельств и других светских праздников. Начинался год с языческого праздника и жертвоприношения *Lupercalia*, отмечавшегося с 13 по 15 февраля у подножия Палатинского холма, где по легенде волчица выкормила Ромула и Рема. В апреле римляне отмечали сразу три праздника – *Parilia* (приношение в честь богини Палес крестьянской пищи), *Sericalia* (праздник плебеев), *Vinalia* (праздничный сбор винограда и виноделие в честь Венеры и Юпитера).

Впрочем, не все праздники в Древнем Риме связаны с жертвоприношением, пышными застольями и развлечениями. Иногда было достаточно и языческих ритуалов. Так, 9, 11 и 13 мая справлялись Лемурии (*Lemuria*) – праздник мертвых, когда считалось, что призраки-вампиры (лемуры, лавры), начинают блуждать в мире живых людей. Чтобы отогнать злых духов отец семейства должен был подняться босиком с постели в полночь, затем вымыть руки в родниковой воде, наполнить свой рот черными бобами, которые затем глава семьи должен был, не оглядываясь, перебросить через дом и девять раз произнести «Это отдаю вам и этими бобами выкупаю себя и своих близких»⁹⁴.

Девятого июня отмечался праздник богини Весты – покровительницы семейного очага и жертвенного огня (*Vestalia*), когда римляне босиком совершали паломничество в храм этой богини, осуществляли жертвоприношения, но не использовали ослов для работы (по преданию, их крик мог разбудить отца Весты)⁹⁵.

Ритуалы не были просто религиозной формальностью – римляне искренне верили в силу своих богов. Например, Плиний в письме Стацию Сабину пишет о том, как одна из весталок Корнелия «попала под его неумеренный гнев и самодурство Корнелия» и была приговорена к смертной казни за нарушение

⁹³ Сергеенко М.Е. Указ соч. – С. 208.

⁹⁴ Каркопино Ж. Указ соч. – С. 290.

⁹⁵ Неверов О.Я. Культура и искусство античного мира. – СПб., 1981. – С. 74.

целомудрия (что особо подчеркивает Плиний, несправедливо и без рассмотрения ее аргументов при вынесении скоропалительного приговора). Весталка, по словам римского адвоката «Простирала руки то к Весте, то к другим богам, все время восклицала: «Цезарь считает прелюбодейкой меня! я совершала жертвоприношения, и он победил и справил триумф» [IV, 11].

Необходимо отметить, что во времена Плиния Младшего начинает распространяться христианство, а также их ритуалы и виды жертвоприношений. И Плиний был одним из тех, кто боролся с христианством путем настоятельного убеждения. Но не все поддавались – некоторых людей отправляли под суд или вовсе – приговаривали к смертной казни. Плиний боролся за свою веру и сообщает об успехах этой борьбы в письме Траяну: «Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные службы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продается мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находился покупатель. Из этого легко заключить, какую толпу людей можно исправить, если позволить им раскаяться» [X, 95].

11 июня отмечался праздник богини Матуты (Matralia), в котором приносили жертву в виде еды только женщины, состоявшие в своем первом браке⁹⁶. В августе девять дней отмечались Волканалии (Volcanalia), когда римляне совершали жертвоприношения и в Фламинии устраивали игры. Также в этот день было принято рано вставать с постели, о чем пишет Плиний в письме Бебию Макру, описывая быт и привычки своего дяди: «Он начинал работать при свете сразу же с Волканалий – не в силу приметы, а ради самих занятий – задолго до рассвета: зимой с семи, самое позднее с восьми часов, часто с шести» [III, 5]. Большинство праздников включали в себя ритуал жертвоприношения, поклонение богам. Но 22 дня священных торжеств дополняли еще 45 дней в году – всенародные праздники (*feriae publicae*).

Завершался год (17-23 декабря) празднованиями в честь Сатурна (Saturnalia). Торжества были связаны с завершением земледельческих работ. Рабы получали привилегии (могли не заниматься привычным трудом, носить

⁹⁶ Там же. – С. 75.

символ свободы *pilleus*, обедать за одним столом с хозяином и даже давать им поручения). Дж. Ливерсидж сравнивает Сатурналии с рождественскими праздниками в современную эпоху: много веселья и шума на улицах, традиция долгого семейного застолья, дарение подарков, а также религиозная составляющая, которая при этом уходит на второй план и не является ключевой при проведении торжеств⁹⁷.

Так, Марциал пишет другу «Ты всё не устаешь отправлять роскошные красные платья и сладостно ожидать ответного внимания» [XXXIX, II], намекая на его страсть проявлять к девушкам внимание и дарить им подарки на Сатурналию (предметы одежды были типичным подарком в этот праздник).

Но в Древнем Риме была непростая трактовка самого факта дарения – оно зачастую воспринималось как взятка. В письме Плиния Корнелию Урсу римский адвокат негодует и не понимает, какую тактику в суде занять его коллеге: как защищать клиента, если подзащитный утверждает, что дарил и принимал лишь исключительно небольшие подарки и только на Сатурналии, когда это общепринято: «Закон, однако, запрещает принимать подарки. Что мне тут делать, по какой дороге повести защиту? Отпираться? Страшно, как бы действительно не показалось воровством то, в чем я боюсь признаться. А кроме того, отрицать факт явный значило усиливать преступление, а не преуменьшать его, тем более, что сам подсудимый связал адвокатам руки: он говорил многим и самому принцепсу, что принимал только маленькие подарки и то лишь в день своего рождения и на Сатурналии и рассылал их многим» [IV. 9].

Также необходимо акцентировать внимание на том, что исследователи не всегда сходятся во мнении, какой именно праздник стоит считать исключительно светским или религиозным. Из-за большого количества они зачастую накладывались друг на друга, поэтому не имеет научного резона в нашей работе заниматься строгим разграничением праздников на категории.

Более важно в данном случае отметить любовь римлян к разнообразным играм – прежде всего, конным и спортивным состязаниям. Например, традиционно 19 марта и 19 октября устраивались конные процессии. А 25

⁹⁷ Liversidge J. Op. cit. – P. 322.

апреля (праздник Robigalia) – ежегодный забег в мешках. Помимо этого римляне состязались в ловле рыбы, скачках на мулах, обычном беге и в других развлечениях с соревновательным элементом, которые составляли ключевую часть многих древнеримских праздников⁹⁸.

Об азарте римлян Плиний сообщает в письме Канинию. Главное в этом письме, что удивило адвоката – дельфины, которые приносят обратно на сушу мальчиков, забредших слишком далеко в море, выясняя, кто способен проплыть как можно дальше: «Люди всех возрастов увлекаются здесь [колонии Гиппон] рыбной ловлей, катаньем, а также плаванием, - особенно мальчики, которых к этому побуждают досуг и любовь к забавам. У них считается славой и доблестью уйти в море возможно дальше; победителем оказывается тот, кто дальше всех оставил позади себя и берег и тех, кто плыл вместе с ним» [IX, 33].

Игры, носившие частный характер, не всегда были простой забавой простого народа в свободные дни. Случались и помпезные частные игры. И повод их проведения был не всегда радостный – например, в память об умершем человеке. Как мы знаем, этот обычай вырос из этрусской традиции - Этому находится подтверждение в письме Плиния Максиму, который в честь скончавшейся жены собрался организовывать гладиаторские игры с африканскими животными, которым, по словам Плиния, он желает поскорее добраться до Рима: «Ты правильно сделал, пообещав гладиаторские игры нашим веронцам: они тебя с давних пор любят и уважают. Оттуда взял ты свою дорогую и прекрасную жену. Почтить ее память следовало или каким-либо сооружением или зрелищем, лучше всего этим, самым подходящим для поминок. А затем, тебя о нем просили так единодушно, что отказать было бы жестокостью, а не свидетельством твердости твоих убеждений. И как хорошо, что ты в устройстве этих игр был так непринужденно щедр: в этом сказывается большая душа» [VI. 34].

Игры имели огромный успех у народа и власти, поэтому отдельно от праздников проводились традиционные игры (ludi), которые сочетали в себе элементы сценических и конных игр. Но ludi не были простой забавой римлян и

⁹⁸ Ibid. – P.411.

веселым праздником. Они несли в себе важнейший политический элемент, попытку римских правителей доказать свою силу и военно-политические амбиции. По этой причине в истории Древнего Рима было много *ludi* – около 115 дней в году посвящались богам, но, как считают (в первую очередь советские) исследователи, они подразумевали главную цель не религиозную, а политическую⁹⁹.

Также исследователи сходятся во мнении, что в целом затруднительно оценить количество римских праздников. Проводились различные церемонии и без государственного контроля, но которые также были популярны в народе. Свои торжества организовывали и римские предместья, главы которых устраивали сельские пиршества. Для государственных воинов также организовывались отдельные обряды, праздники и церемонии, которые могли посещать не только знать, но и плебс.

Еще в Древнем Риме особо обращали внимание на так называемые экстраординарные годы, когда обычные праздники совпадали с теми, что празднуются раз в четыре года¹⁰⁰. Все это создало крайне сложную и запутанную систему, которая, как отмечает В. Рошер, очень непроста для анализа и для исследователей готовит несколько «ловушек», которые могут завести историков при изучении праздников на ложный путь¹⁰¹.

Также римляне любили справлять дни рождения – как свои, так и близких друзей и родственников. Так, Плиний Младший пишет своему тестю Фабату: «Мы должны, клянусь Геркулесом, праздновать твой день рождения как свой собственный: наше веселье зависит от твоего; благодаря твоей ревностной заботе мы счастливы здесь и спокойны там, в твоём доме» [VI. 30].

Культ императора также отражался на праздниках. Традиционно отмечали две даты – начало его правления и день рождения. В «Панегирике императору Траяну» Плиний подробно описывает (а помимо этого – пафосно наставляет нового императора из династии Антонинов), каково было

⁹⁹ Ковалев С.И. Указ соч. – С. 118.

¹⁰⁰ Рошер В. Указ соч. – С. 100.

¹⁰¹ Там же. – С. 107

настроение города, когда Траян только стал править империей – событие, ставшее невероятным праздником, когда все храмы и улицы наполнялись толпами радостных людей, которые совершали особые жертвоприношения и приветствовали императора:

«Какое исключительное ликование охватило тех, кто уже раньше первым и на этом же месте приветствовал тебя императором. Мало того, я бы сказал, что само божество тогда испытывало особое удовлетворение от своего создания...Какое было ликование обступившей его толпы! Какие раздавались громкие клики, как подобен этому был тот день, который породил и этот! Как все было заполнено алтарями, как все затеснено обилием жертвенных приношений, как направлены молитвы всех ко благу одного, как отчетливо все понимали, что они, молясь за тебя, молятся за самих себя и за своих детей...» [Epist ad Traianum. 23-25].

Таким образом, важно отметить, что, по оценке А.А. Анджелы¹⁰², треть всех дней в году занимал в жизни Древнего Рима праздник. Безусловно, не все из них отмечались широко: многие предназначались для всех социальных слоев, а некоторые отмечались лишь формально, или имели, как мы отметили выше в примере с праздником мертвых Лемурии, только ритуальный характер. Но, тем не менее, культ праздника в Древнем Риме неоспорим и уникален.

Отношение к нему в самом Древнем Риме неоднозначное. Мы уже отмечали и критику, и любовь к гедонизму. А сами праздники составляли неотъемлемую часть роскошного и беспечного образа жизни, были почвой для поведения, которое не всеми римлянами считалось приемлемым¹⁰³. Самой яркой критикой можно назвать знаменитую тираду Ювенала о «выродившейся толпе потомков»: «Теперь, когда у него больше нет голосов, которое можно было бы продать, этот народ, некогда наделявший властью, фасциями, легионами – короче, всем на свете, этот низко падший народ желает с лихорадочным вожделением всего лишь двух вещей: хлеба и зрелищ. Даже религиозные праздники – повод для разврата» [Juv. VI. 123].

¹⁰² Анджела А.А. Указ соч. – С. 98.

¹⁰³ Liversidge J. Op. cit. – P. 308.

Что подтверждается в письме римского поэта Стация, описывающего римские улицы во время празднования дня Сатурна: «Что за шум от бросания подарков во все стороны! Тут идут девушки, которых всякий может купить. Здесь можно увидеть все, что благодаря искусству и красоте, приятно для глаза. Вот в хоре роскошные девушки Лидии, бьющие в цимбалы, вот – девушки из Гадеса, увешанные бубенчиками, там – толпа женщин из Сирии...» [Silvae. I. 69].

Очевидно, что Плиний Младший не относился к группе тех богатых римлян, жизнь которых сосредоточивалась исключительно вокруг праздников и всего того, что с ними связано. Однако, как и большинство его коллег и друзей, он чтит традиции. Поэтому, согласно всем канонам и правилам, Плиний принимал участие в различных торжествах и без уважения относился к радикальной крайности стоиков, которые полагали, что празднование чего-либо обнажают неправильные и вредные человеческие качества, эмоции и поступки.

В некоторых сочинениях можно увидеть, как Плиний высмеивает или одобряет критику показного стоицизма. Так, учителями трагически погибшего римского политика Арулена были известный стоик Музоний Руф и Сенека. Регул считал, что Арулен лишь глупо подражал учителю, обезьянничал. Плиний положительно оценивает остроту Регула в своем письме Воконию Роману, но отрицательно относится лишь к тому факту, что Регул потешался над смертью Арулена и все же зря назвал его «обезьяной стоицизма» [I. 5].

Плиний спокойно относился к тому, что его семья отмечала праздники торжественнее и шумнее, чем он. Слабая импульсивность и рефлексия на культ праздников особенно заметна в поздних письмах, когда Плиний стал спокойнее относиться ко всему бурному, что происходило вокруг. Римский адвокат, описывая свою виллу, радуется, что во время Сатурналии, он и его родственники могут друг другу не мешать и заниматься своими делами: «Когда я скрываюсь в этом помещении, мне кажется, что я ушел даже из усадьбы, и очень этому радуюсь, особенно в Сатурналии, когда остальной дом, пользуясь вольностью этих дней, оглашается праздничными криками. Ни я не мешаю моим веселящимся домочадцам, ни они мне в моих занятиях» [II. 17].

Но это не значит, что Плиний не праздновал Сатурналии. Римский адвокат очень любил эти декабрьские торжества, особенно в молодости. В письме Тациту он пишет, что рад был бы вернуться к нему в школу, но не может из-за продолжающихся праздников: «Не как учителю учитель, не как ученику ученик (по твоим словам), но как ученику учитель, ибо ты учитель, а я же ни в коем случае; ты и зовешь меня в школу, а я до сих пор праздную сатурналии» [VIII. 7]

Таким образом, Плиний Младший умело сочетал в себе качества человека, который по-настоящему любил праздники, особо почитая те, что относились к конкретным людям – его близким и друзьям, а также мог уподобиться мудрецу, который мог даже в самые почитаемые Римом Сатурналии, уединиться на своей вилле, заняться рабочими делами или творчеством. Плиний Младший отражал взгляды типичного богатого римлянина с высоким уровнем образования и большим количеством дел, которые не оставляли времени для бессмысленных и многозатратных празднеств.

Безусловно, маргинальность, страсть к разврату даже во время религиозных праздников ярче и подробнее отражены в историографии. Или наоборот – рассмотрение жесткого стоицизма с отрицанием радости может создать другой стереотип – апатичного римлянина, который внутреннее сопротивлялся соблазнам. Плиний олицетворял компромисс между двумя ярко бросающимися в глаза позициями. По этой причине его письма важны для исследования – они отражают не страсть или ненависть к праздникам, а типичное отношение к рассмотренным явлениям, которое можно оценить как здоровое.

3.2. Публичные чтения

В своих письмах Плиний Младший достаточно часто затрагивает тему публичных литературных чтений. Для него они были одним из главных видов досуга. Плиний в письмах нередко затрагивал то, как именно они проходили,

рецензировал некоторые произведения, рассуждал о собственных работах, которые он публично читал, а также часто ругал нынешнее поколение за то, что к самой литературе во время выступлений отдаётся мало внимания: «Я очень оценил и охоту своих слушателей, и суд их. Я заметил, что им особенно нравилось написанное строго и просто. Я помнил, что читал немногим то, что написал для всех. И, тем не менее, словно рассчитывая на такой же всеобщий суд в будущем, я радуюсь этому строгому вкусу...» [I, 13].

Тем не менее, Плиний достаточно позитивно относился к популярности публичных чтений, к увеличению числа поэтов, но даже в одном письме он старался с разных сторон рассмотреть это явление, находя в нём как положительные, так и отрицательные моменты: «Большой урожай поэтов в этом году; в апреле не было почти ни одного дня без публичных чтений. Я радуюсь оживлению литературной деятельности и выступлениям талантливых людей, публично о себе заявляющих. Слушатели, однако, собираются лениво. Большинство сидит в портиках, тратит время на болтовню и время от времени приказывают сообщить себе, вошел ли чтец, произнес ли вступление, свернул ли уже значительную часть свитка. Только тогда они собираются, и то медленно, с задержками и уходят, не дожидаясь конца, – одни тайком и прячась, а другие свободно, без стеснения» [I, 14].

Сама же практика общественных чтений в Риме появилась далеко не сразу. Первоначально свои произведения наиболее интеллектуальная часть Рима демонстрировала лишь ближайшему окружению: близким друзьям и родственникам. Однако с появлением первых библиотек (положил этому процессу начало Цезарь), идет постепенно распространение книг, а вместе с ним – и возникновение такого жанра – как общественная декламация произведений¹⁰⁴.

Публичные чтения, которые стал устраивать при Августе Азиний Поллион, римский гос. деятель и писатель второй половины I в. до н.э., вошли в большую моду в этот период. Во времена Стация были особые преподаватели,

¹⁰⁴ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М., 1993. –С.8.

так сказать, официально обучавшие этому искусству. Здесь на все существовали правила: напр., насчет манеры лектора держать себя, а также поведения аудитории; первому внушали побольше скромности, второй — побольше снисходительности¹⁰⁵.

Что касается книг, то изначально они распространялись через торговцев, которые получали право на литературные произведения, и затем отправляли чтецов по стране, которые и декламировали в различных общественных местах литературу. Впрочем, далеко не все произведения могли распространяться — некоторая литература была запрещена. Но нельзя заявить, что ее устраняли каким-то радикальным образом, сжигали, а также отправляли под суд авторов. Власть пыталась действовать более тактично, распространяя уже свои произведения, в которых присутствовала пропаганда.

Но важно было не только распространить литературу через библиотеки, поскольку далеко не все римское общество было увлечено чтением. Был необходим эмоциональный оратор, который бы мог определённые мысли доносить до римлян. Поэтому и образовался особый жанр — публичные чтения, который был выгоден и государству, а также литераторам, для которых за честь было декламировать литературу на достаточно большую аудиторию¹⁰⁶.

Подобные чтения были весьма популярны — под них в Риме был даже построен небольшой театр, а высшая знать регулярно посещала его. Известны случаи, когда Клавдий, уже будучи императором, помимо того, что предоставлял собственный дворец для чтений, сам навещал подобные литературные мероприятия в качестве рядового зрителя¹⁰⁷.

Рост влияния подобных чтений был так высок, что практически каждый знатный римлянин проводил в свои дома литературные вечера, а некоторые и вовсе отводили специальную комнату, в которой проводились исключительно чтения. Уже с малых лет римляне начинали посещать публичные выступления. Вот так Плиний, например, говорит о племяннице Кальпурнии Гиспулле:

¹⁰⁵ Гиро П. Указ. соч. — С. 243.

¹⁰⁶ Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь... — С.266.

¹⁰⁷ Санчурский Н.В. Указ соч. — С.118.

«Прибавь к этому любовь к литературе; она родилась от привязанности ко мне. Она держит у себя мои произведения, перечитывает их, даже заучивает наизусть. Как она беспокоится перед моими выступлениями, и как радуется после них! Она расставляет людей, которые бы ей сообщали, какими возгласами согласия и одобрения сопровождали мою речь, каков был исход суда. Когда я рецитирую, она сидит тут же за занавесом и жадным ухом ловит похвалы мне. Она поет мои стихи и даже аккомпанирует себе на кифаре: у нее не было учителя музыки; ее учила любовь, лучший наставник» [IV, 19]:

Мы уже затрагивали выше цитату из письма Плиния, в котором он недоволен публикой, цель которой не всегда состояла в том, чтобы наслаждаться произведениями. Если поначалу сами литературные чтения были достаточно качественны, то постепенно зачастую они превращаются в модное мероприятие. Нередко слушатели без уважения относились к чтецу литературу: могли заснуть, уйти в тот момент, когда шло ещё само чтение, начать вести сторонние разговоры и т.д.¹⁰⁸.

О чём свидетельствует следующий достаточно комичный случай. На одном из чтений присутствовал знаменитый правовед Яволен Приск, и по правилам литературных вечеров было необходимо, что наиболее именитый и значимый человек дал согласие на то, чтобы чтец начал декламировать произведение.

Однако на вопрос взволновавшегося писателя «Стоит ли начинать?» Приск, проснувшись, ответил, что ничего не стоит делать и что всё в порядке, вызвав в зале бурный смех. Часто слушатели вовсе притворялись, что им интересно произведение, делая серьёзное лицо, но равнодушно относясь к происходящему. Впрочем, по утверждениям некоторых римлян, которые часто посещали чтения, декламируемые произведения действительно были очень часто скучны и носили бессвязный характер¹⁰⁹.

И эта была также одной из проблем, с которой столкнулась римская литература и культура в целом. Ведь зачитывались в основном достаточно

¹⁰⁸ Каркопино Ж. Указ. соч. – С.113.

¹⁰⁹ Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь... – С.272.

однотипные судебные речи, моральные наставления, а также исторические сочинения и популярные стихи.

Собственные произведения авторов постепенно стали утратить, поскольку число самостоятельных чтецов, которые писали собственные сочинения, неуклонно росло. Можно сказать, что число слушателей и авторов постепенно начинало сравниваться, ведь почти каждый высокопоставленный римлянин считал важным устраивать подобные вечера. Также подтягивается и более простая публика к данному процессу. Как итог – можно говорить о том, что публичные литературные выступления в какой-то момент себя изжили, став рядовым и заурядным событием в досуге римских граждан¹¹⁰.

Об этом писали и другие авторы – современники Плиния. Ювенал уверяет, что никакая пустыня не может быть более несносной, чем Рим в сезон чтений. Траян удостаивал своим присутствием чтения Плиния Младшего и оказывал ему всевозможные знаки дружеского расположения. Когда Плиний слишком возвышал голос, Траян посылал к его кафедре вольноотпущенника, который дергал его за кончик тоги, чтобы напомнить ему, что он человек и грудь у него нежная; и Плиний тотчас же понижал голос. Но все это ни к чему не вело: всемогущество императора не могло преодолеть общего отвращения, и именно Плиний первый начинает жаловаться на упадок чтений¹¹¹.

Связано это было, пожалуй, с тем, что в древнем Риме были развиты риторические школы, в которых искусства оратора преподавалось, и можно сказать, что было поставлено на поток появлений новых чтецов, которых иногда с определённым пренебрежением называли риториками. Безусловно, из подобных школ выходили выдающиеся писатели, поэты, а также государственные деятели, но была и определённая безликая масса, которая делала себя имя на публичных чтениях. Так, например, пишет Плиний о Карнелии Лициниане: «Слышал ли ты, что Валерий Лициниан учителем в Сицилии? Думаю, не слышал: это новость свежая. Его, претория, недавно

¹¹⁰ Сергеенко М. Е. Указ. соч. – С.211.

¹¹¹ Гиро П. Указ. соч. – С. 245-246.

считали здесь одним из красноречивейших адвокатов. Скатился он низко: не сенатор, но изгнанник, не оратор, но ритор».

Об общем упадке знаний среди римлян пишет также Плиний Старший: «Сейчас, когда установлен столь прочный мир, когда мы так счастливы под властью государя, столь заботящегося о процветании искусств и всех областей жизни, — несмотря на всё это, мы не можем не только добавить каких-либо новых исследований к тому, что знали древние, но хотя бы основательно усвоить их знания...» [Plin. Secund. Epist. II, 117].

Плиний Младший тоже осознавал падение уровня произведений и в своих письмах нередко критиковал не только чужие, но и свои собственные работы: «Колебания мои вызваны не качеством моих писаний, а содержанием их. Тут есть слабый привкус как бы самохвальства и превозношения, и меня при моей скромности это тяготит. Пусть я буду говорить сжато и просто, но все же я вынужден толковать и о щедрости своих родителей и о своей собственной, а это тема опасная и скользкая, хотя говорить о близких и соблазнительно.

Представления, услаждающие глаз и ухо, не нуждаются в рекомендации: тут людей надо не возбуждать словом, а скорее сдерживать; чтобы человек охотно взял на себя докучный труд воспитания, этого следует добиваться не только наградами, но и особо подобранными увещаниями» [I, 8].

Публичные чтения стали для римлян одним из главных элементов времяпровождения. Однако постепенно из серьёзных литературных вечеров, на которых велись споры, и интеллектуальная часть общества действительно создавала культуру, стали вытекать банальные светские мероприятия, которые посещать было модно, однако далеко не все удосуживались находиться на нём до конца.

Плиний Младший был одним из самых важных и уважаемых чтецов своего периода, собирая очень большое количество зрителей и поклонников. Но сам же Плиний в своих письмах верно подмечает, что интерес к публичным чтениям неуклонно растёт, однако их качество стремительно падает, как со стороны слушателей, так и со стороны ораторов.

3.3. Римский театр и другие общественные развлечения

В своих письмах Плиний не так часто упоминает зрелища, в том числе и театры. Но есть достаточно характерное письмо Сатурнину, по которому можно судить об отношении великого римского писателя к театральным зрелищам:

«Вдобавок к этому я обещал ежегодно выдавать сумму не на театральные представления и не на гладиаторов, а на содержание свободнорожденных детей. Представления, услаждающие глаз и ухо, не нуждаются в рекомендации: тут людей надо не возбуждать словом, а скорее сдерживать» [I, 21].

Но не мог Плиний совсем избегать зрелищ. Все-таки, его статус обязывал не только заниматься работой и писательским делом. И, если он еще откровенно не любил бега и цирк, то в театре все же бывал, о чем свидетельствует данное письмо Гемину:

«Когда мы вместе с Квадратом выходили из театра, он сказал: «Знаешь, я сегодня в первый раз увидел, как танцует вольноотпущенник моей бабушки». Так сказал внук. Но, клянусь Геркулесом, совсем чужие люди, чтобы оказать честь Квадратилле (мне стыдно, что я сказал – честь), с льстивой угодливостью бежали в театр, неистовствовали, хлопали, удивлялись и потом повторяли перед госпожой отдельные жесты и песни; теперь они получают ничтожные легаты – маленький венок за свой труд в театре – от наследника, который не смотрел на эти представления» [VII, 24].

О популярности театра в Риме говорит хотя бы тот факт, что тамошние места для представлений вмещали порядка 20 тысяч зрителей (театр Помпея мог в лучшем случае уместить и вовсе 30), а сегодня, например, самые известные театры вмещают не более 5 тысяч. Представления делились в Риме на сезоны, которые, правда, продолжались не так долго – с апреля по ноябрь, и проходили в строго определенные дни, не будучи круглосуточными, как те же бега¹¹².

Само же качество театральных постановок постепенно ухудшалось. Дело в том, что репертуар в какой-то момент застыл, и в Риме перестали сочинять

¹¹² Каркопино Ж. Указ. соч. – С. 182.

новые комедии, драмы, отталкиваясь лишь от старых произведений, которые были проверены веками. Происходило такое явление, когда зритель, знающий сюжет постановки, воспроизводил его по памяти, а молодому зрителю представляли различные подсказки – маски, которые свидетельствовали о настроении героя, костюмы, показывающие социальный статус и т.д.

Таким образом, уже к концу процветания Римской империи, театр сам себя же и изжил – не нашлись люди, готовые развивать весьма популярный жанр. Но во времена Плиния это искусство еще привлекало достаточное количество зрителей и имело своих поклонников. На представления продолжали ходить: кто-то оценить игру актера, кому-то была интересна любимая постановка, но многие использовали театр как элемент времяпровождения, не особо задумываясь о качестве действия¹¹³.

Но имелся еще один вид искусства, который переплетается с театром, но, по сути, является самостоятельным жанром – игры в амфитеатре, которые представляли из себя достаточно жуткое зрелище: на сцене была самая настоящая бойня (зачастую, между рабами, мотивированными призом), которая всегда заканчивалась чей-то смертью.

Были состязания и с животными, которые убивались буквально голыми руками. Вероятно, появление такого жанра было связано с недостатком эмоций, которые римляне получали в классическом театре – требовались более изощренные действия¹¹⁴.

Плиний Младший с уважением относился к цирку как к институту. Римский адвокат хвалит императора Траяна за то, что он перестроил ложу в Колизее: «Теперь народу дано видеть не императорскую ложу, а самого императора, сидящего среди народа» [Paneg. 51, 5]. Также Плиний отзывался о римском театре, как о величайшем сооружении, которое только было создано человеком [XXXVI, 102].

Вообще, Плиний, как адвокат и политический деятель, ценил в первую очередь само явление, чтобы люди имели возможность отдохнуть и получить

¹¹³ Неверов О.Я. Культура и искусство античного мира. – М., 1981. – С. 89.

¹¹⁴ Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. – М., 1995. – С.370.

эмоции. И в письмах Траяну Плиний обращает внимание, как в некоторых городах происходит растрата средств, а сами театры не строятся или находятся в ненадлежащем состоянии:

«Театр в Никее, владыка, выстроенный уже в большей части своей, но не законченный, поглотил, как я слышу (я в отчете еще не разобрался), больше 10 миллионов сестерций, и боюсь, что напрасно. Он оседает, и в нем зияют огромные трещины, потому ли, что почва здесь сырая и мягкая, потому ли, что самый камень слаб и крохоток. Стоит рассудить, строить ли его дальше, оставить или даже разрушить. Субструкции и контрафорсы, которые там и сям здание поддерживают, по-моему, не столько прочны, сколько дороги» [X, 23].

Конечно же, тут важна нетерпимость Плиния к коррупции, но, как отмечает¹¹⁵ О.Я. Неверов, античные театры были своеобразным «крючком» для населения, которое можно было за счет этого отвлекать и развлекать. Поэтому беспокойство Плиния связано не только с экономической, но и социально-политической стороны.

Как мы отмечали выше, спорт и бега в частности были едва ли не самым популярным зрелищем в Древнем Риме. Но его популярность может быть объяснена не только грацией лошадей, красотой колесниц и непримиримым соперничеством. Но дело не только в этом. Огромный интерес к бегам подогревали и «партии» – объединения болельщиков, которые различались по цветам, как и современные спортивные команды и их болельщики.

При Плинии Младшем бега переживали свой бум – сначала появились белые и красные «партии», позже добавились – синие и зеленые. Бега увлекали все слои общества: люди ставили большие деньги и переживали за возницы и лошадей, как за себя. И даже император Домициан был так ими увлечен, что затеял свою реформу, упростив соревнования до двух «партий» – пурпурных и золотых¹¹⁶.

Бега были настолько актуальны и востребованы в культуре, что Марциал написал стих, в котором сравнивались бега и провальное завершение правления

¹¹⁵ Неверов О.Я. Указ соч. – С. 113.

¹¹⁶ Сергеенко М. Е. Указ. соч. – С. 250-251.

Нерона: «Первенства пальму не раз и по смерти Нерона «зеленый». Брал, и победных наград выпало больше ему. Скажешь, что ты уступал, завистник злобный, Нерону? Но ведь «зеленый» пришел первым, – совсем не Нерон» [XI, XXXIII].

В одном из своих самых знаменитых стихотворений Марциал также упоминает бега: «Сломай, опечаленная Победа, идумейские пальмовые ветви. Брось в жестокий огонь, скорбная Слава, волосы и венки, украшавшие их. О злая судьба! Скорп, ты погиб, не изжив ранней молодости; так скоро пришлось тебе запрягать вороных коней. Стремительно огибал ты всегда мету – почему и для жизни твоей оказалась она столь близка» [X.50].

Тем не менее, Марциал уделял такое внимание бегам не по причине своей большой страсти к ним, а из-за интереса общества. Поэт сам страдал от того, что его стихи во многом поэтому и не были востребованы – люди обычно проводили время в цирке. «Всюду сверкает золотой нос Скорпа» [V, 25], – пишет Марциал, реагируя на бесчисленные памятники возницам (которые еще и стоят рядом с богами), но при этом, отдавая должное и сочиняя стихи, которые мы привели выше.

Плиний Младший не относился к числу почитателей состязаний. Как пишет римский адвокат «Я чувствую некоторое удовольствие от того, что нечувствителен к их удовольствию» [IX, 6]. Вероятно потому, что Плиний видел, как люди лишались сна и слишком много времени уделяли тому, какая «партия» займет первое место:

«Любили тряпку, благоволили к тряпке, и если в самый разгар состязаний состязающиеся могли бы обмениваться своей цветной одеждой, то зрители обменивают и предмет своей горячей приязни и сразу покинут тех возниц и тех лошадей, которых они узнают издали, чьи имена они выкрикивают» [Ibid.]

Также в одном из писем Плиний Младший описал случай, как человек, бросился в костер, когда узнал, что его любимая лошадь «красных» погибла [XII, 186]. Таким образом, необходимо отметить, как еще в римские времена люди отдавали себя «болению» в спорте. Может показаться, что спорт так ярко вошел в повседневность, когда футбол стал набирать популярность в начале XX

века, однако из приведенных отрывков можно сделать вывод: азарт и страсть к спорту уже при Плинии не были новинкой.

Зрелища разделились в Риме на две основные категории: для более массового населения – бега и цирк, а для элитного слоя общества – театральные представления. Тем не менее, оба жанра несли в определенный момент даже отрицательную силу. Простые по содержанию бега увлекли весь Рим, став постоянным развлечением для большинства горожан, а театр как жанр начал постепенно умирать, удовлетворяя потребности далеко не самого прихотливого зрителя.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что праздничные торжества и досуг были «топливом» древнеримской жизни. Различные источники подтверждают: настоящую страсть римляне испытывали именно к зрелищам. А праздники были почвой для того, чтобы дни напролет проводить в театрах и цирках.

Но Плиний, сам это признавая, не проявлял к этой торжественности интереса. Связать это необходимо с высоким уровнем интеллекта и статусом адвоката. Плиний, в том числе и благодаря тому, что был в тесной связи с Траяном, наблюдал, как эта «праздничная повседневность» управляет людьми и лишает их рассудка. Поэтому Плиний предпочитал более интеллектуальное увлечение – публичные чтения, которые, впрочем, тоже имели успех у народных масс (ведь далеко не все авторы были талантливыми; существовала литература и для более простого читателя).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования были выполнены все поставленные во введении задачи.

Во-первых, нами были рассмотрены различные трактовки понятия «повседневность». В итоге, для нашей работы было использовано следующее: «Это – среда обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклад жизни, а также ментальность, образ мышления и образ жизни народа». В ходе исследования было установлено, что римляне эпохи Плиния Младшего четко не определяли термин «повседневность», подразумевая под ним понятие «быт».

Во-вторых, нами было установлено, что идеи стоицизма не оказывали большого влияния на большую часть древнеримской элиты. К числу тех, кто был равнодушен к стоикам, можно отнести и Плиния Младшего, который уважал людей за способность отказаться от мирских благ, однако в своих письмах нередко подчеркивал: он ценит людей, которые находятся в контакте с семьей, не чужды как активной работе, так и интеллектуальному отдыху.

В-третьих, мы изучили типичный римский дом и соотнесли его с описанием жилища Плиния Младшего. Характерные черты – просторность, наличие большого количества комнат: типичное строение роскошного римского *domus*. Отличие морской виллы Плиния заключается в том, что она максимально обособлена от других домов. Плиний, несмотря на общую дороговизну дома, старался экономить материалы и в целом возвел практичное жилище.

В-четвертых, мы выяснили, что трапеза была в Древнем Риме не просто приемом пищи, но и в некотором смысле – целой композицией, со своими ритуалами сакрального характера. Трапезы сопровождали торжества и порождали обычно чревоугодие. Плиний холодно относился к таким трапезам. Он предпочитал простые продукты (овощи, фрукты, мясо и рыба), с небольшим количеством алкоголя. Плиний критиковал некоторых гостей за слишком скудный или обильный стол. Обижался, когда гости не приходили к нему на

обед, что особо подчеркивает значимость этого действия в межличностных отношениях и религиозную сакральность.

В-пятых, распорядок дня у элиты был индивидуален. Стоит отметить, что, как правило, даже самые важные люди Империи начинали работу с рассвета. Плиний Младший тоже относился к числу таких римлян. Но работа адвоката порой вынуждало его оставаться в судах допоздна, что приводило к корректировке графика.

Рабы же выполняли далеко не всю «черновую» работу, несмотря на занятость их хозяев. Плиний любил ухаживать за садом, следить за деревьями и собирать урожай. Впрочем, Плиний был, скорее, исключением – большинство богатых римлян старалось не утяжелять свою жизнь работой в доме и в саду.

В-шестых, нами было установлено, что клиентела имела громадное влияние на римскую действительность. Уже с раннего утра клиенты могли встречать патрона и проводить с ним весь день. В ходе исследования мы доказали, что клиентела имела несколько «уровней». Некоторые клиенты были лишь серой массой, которая радовалась куску хлеба от патрона, который гордился большим количеством клиентов. Но те же поэты были образованы и являлись более значимыми в среде клиентелы. Плиний Младший не заострял внимания на собственных клиентах, но подчеркивал свой статус патрона целого города. Взамен Плиний получал именную статую в самом главном городском храме.

В-седьмых, стоит отметить, что большое количество праздников формировало уникальный ландшафт римской повседневности. Но далеко не все религиозные даты бурно отмечались. Однако главные праздники делали город совсем иным: люди радовались, отмечали и отдавались всем развлечениям. Плиний, отдавая должное традициям, особенно в преклонном возрасте старался избегать подобных мероприятий и предпочитал проводить такие дни в спокойствии.

В-восьмых, мы установили, что вместо праздничных развлечений для Плиния были более важными публичные чтения. Римский адвокат и политик питал страсть к литературе, был в курсе всех событий Древнего Рима, которые

касались новых поэтов, произведений и другой литературной активности. Плиний Младший – один из тех людей, кто пытался всячески сохранить у общества интерес к литературе, которая на взгляд адвоката переживала кризис.

В-девярых, исследовав различные источники, мы пришли к выводу, что римский театр и цирк имели большое влияние на жизнь Древнего Рима. С одной стороны, это был популярный вариант массового отдыха. С другой – возможность для императоров устраивать свои праздники и влиять на общественное мнение. Плиний Младший без трепета относился к театру и особенно – к цирку, полагая, что достаточно лишь несколько раз ознакомиться с некоторыми представлениями.

Таким образом, повседневность для Плиния Младшего – это компромисс между нескончаемым количеством соблазнов и полным отказом от всех удовольствий. Это создание такой атмосферы и гармонии, которая позволяет как напряженно работать, так и находить время для отдыха: интеллектуального и более веселого. Повседневность для Плиния Младшего – важнейшая составляющая всей жизни, к которой он относился с большим трепетом, поскольку она формировала настроение и задавала ритм всей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. Источники

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности / Перевод И.Л. Маяка. – М., 2005 – 872 с.
2. Законы XII таблиц: *Leges duodecim tabularum*. Рус. пер.: Законы XII таблиц. – М.: Наука, 1962. – Пер. В.В. Струве.
3. Ливий Тит: *Titi Livi ab vrbe condita* / H.J. Muller. – Berlin, 1885. Рус. Пер.: Тит Ливий. Истории от основания города. Том I. – М.: Наука, 1989. – 315 с. – Пер. Н. А. Поздняковой.
4. Марциал Марк: *Marcus Mart. Liber de Spectaculis* / J.P. Sullivan. – Cambridge, 1990. Рус. Пер.: Книга зрелищ Марка Марциала. – Торонто, 2014. – 483 с. – Пер. Г.М. Севера.
5. Петроний. Сатирикон. // Римская сатира. / Перевод А. К. Гаврилов, Б. И. Ярхо – М.: Художественная литература, 1989. – 544 с.
6. Плиний Младший: *Plinii Min. Epistulae* / Ed. W. Kuhn. – Darmstadt, 1985. Рус. пер.: Письма Плиния Младшего. – М., 1982. – 407 с. – Пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура.
7. Плиний Старший. Естественная история. Книги XVII и XVIII // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Пер. М.Е. Сергеенко. – М., 1957. – С. 213-327.
8. Плутарх: *Plutarchi Moralia*. – V. I-VI. – Lips., 1957-1974; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – В 3-х тт. – М.: Наука, 1964. – 504+548+546 с. – Пер. под ред. С.П. Маркиша.
9. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Перевод С.А. Ошерова. – М., 1977. – с. 576.
10. Цицерон Марк Туллий: *Marcus Cic. De re publica* / J.F. Dobson, – New York, 1992. Рус. Пер.: Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе – Т. 2. – М., 1901. – с. 781. – Пер. Ф.Ф. Зелинского.
11. Ювенал Юний: *Junius Juvenal. Satire* / F. Villeneuve. – Paris, 1972. Рус. пер.: Сатиры Юния Ювенала. – М., 1888. – с. 504. – Пер. А. Адольфа.

II. Литература

1. Адкинс Л., Адкинс Р Древний Рим. / Пер. с англ. В. Гончаров. – М.: Наука, 2009. – 528 с.
2. Анджела А.А. Один день в древнем Риме / А.Анджела. – М.: КоЛибри, 2010. – 480 с.
3. Анун, Р. и др. Цивилизация Древнего Рима / Р. Анун, Дж. Шейд. – М: АСТ, 2004. – 176 с.
4. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения / М. Бартошек. – М.: Наука, 1989. – 230 с.
5. Беликов А. П. Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов / А.П. Беликов. – Ставрополь, 2003. – 88 с.
6. Бирюкова Ю.М. Государство и право Древнего Рима / Ю.М. Бирюкова. – М.: История 1969. – 567 с.
7. Блаватский В.Д. Природа и античное общество / В.Д. Блаватский. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
8. Вачьянц, А.М. Древняя Греция. Древний Рим / А.М. Вачьянц. – 9-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 232 с.
9. Велишский, Ф.Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян / Ф.Ф. Велишский. – М.: Эксмо-Пресс, 2010. – 704 с.
10. Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлян / П. Гиро. – СПб.: Алетейя, 1995. – 571 с.
11. Грималь, П. Цивилизация Древнего Рима / П. Грималь. - Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2008. — 510 с.
12. Гуревич, Д., Рапсат-Шарлье М.Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме / Д. Гуревич, М.Т. Рапсат-Шарлье / Пер. с фр. Н.Н. Зубкова; науч. ред. и коммент. А.В. Короленкова. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 260 с.

13. Дюпуи, Э. Проституция в древности / Э. Дюпуи. – СПб.: Прогресс, 1991. – 211 с.
14. Зелинский, Ф.Ф. История античной культуры / Ф.Ф. Зелинский / Ред. и прим. С.П. Заикина. 2-е изд. СПб.; Марс, 1995 - 380 с.
15. История мировой культуры (мировых цивилизаций) / Под ред. Г.В. Драча. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 533 с.
16. Каркопино, Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима Апогей империи / Ж. Каркопино. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 464 с.
17. Кнабе, Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима / Г.С. Кнабе. – М.: Искусство, 1993. – 198 с.
18. Кнабе, Г.С. Древний Рим. История и повседневность / Г.С. Кнабе. – М.: Искусство, 1986. – 103 с.
19. Ковалев, С.И. История Древнего Рима. Курс лекций / С.И. Ковалев. – Л.: ЛГУ, 1986. – 707 с.
20. Крист, К. История времен римских императоров / К. Крист. – Тт.1, 2. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 512 с.
21. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. / В. Д. Лелеко. – СПб., 2002. – 470 с.
22. Лосев, А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I - II вв. н. э. / А.Ф. Лосев. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - 413 с.
23. Мансуэлли, Г., Блок Р. Цивилизации древней Европы / Г.Мансуэлли. – Екатеринбург: Исторический вестник, 2007. – 401 с.
24. Моммзен, Т. История Рима / Т. Моммзен. – Санкт-Петербург: Наука. -1993. – 250 с.
25. Неверов, О.Я. Культура и искусство античного мира / Неверов О.Я. – Л.: Искусство, 1981. – 187 с.
26. Никитюк, Е.В. Быт античного общества. Учебно-методическое пособие / Е.В. Никитюк. – СПб: Центр антиковедения, 2005. – 87 с.
27. Покровский, М.М. История римской литературы. Серия «Классика» / М.М. Покровский. – М.: Лист Нью, 2004. – 400 с.

28. Робер, Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений / Ж.-Н. Робер – М.: Молодая гвардия, 2006. – 228 с.
29. Робер, Ж.-Н. Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой / Ж.-Н. Робер. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 328 с.
30. Рошер, В. Система призрения бедных и мероприятия против бедности / В. Рошер. – Черкассы: История, 1895. – 207 с.
31. Санчурский, Н.В. Римские древности / Н.В. Санчурский. – М.: МГУ, 1995. – 206 с.
32. Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории / Свенцицкая И.С. – М.: Наука, 1989. – 349 с.
33. Сергеенко, М.Е. Жизнь в Древнем Риме / М.Е. Сергеенко. – СПб.: Летний сад, 2000. – 368 с.
34. Сергеенко, М.Е. Простые люди Древней Италии / М.Е. Сергеенко. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
35. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 656 с.
36. Толстикова, И.И. Мировая культура и искусство: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 416 с.
37. Тронский, И.М. История античной литературы / И.М. Тронский. – М.: Высшая школа, 1983. – 483 с.
38. Утченко, С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики / С.Л. Утченко – М.: Академия наук СССР, 1952. – 300 с.
39. Утченко, С.Л. Политические учения древнего Рима / С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1977. – 257 с.
40. Федорова, Е.В. Императорский Рим в лицах / Е.В. Федорова. – М.: Феникс, 1993. – 267 с.
41. Федоров-Давыдов, Г.А. На окраинах античного мира / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука. 1975. – 304 с.
42. Циркин, Ю.Б. Мифы древнего Рима / Ю.Б. Циркин. – М.: АСТ, 2000. – 560 С.

43. Человек античности: идеалы и реальность / Сост., вступ. ст., коммент., примеч. и указ. В. И. Исаевой, И. Л. Маяк. - М.: Просвещение, 1992. - 402 с.
44. Шварценберг, А. Краткий очерк римских древностей / Шварценберг А. – СПб., 1909. – 149 с.
45. Штаерман, Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи / Е.М. Штаерман. – М.: АН СССР, 1961. – 324 с.
46. Шюц, А. Структура повседневного мышления. Социологические исследования / А. Шюц. - М., 1988. - № 2. – 137 с.
47. Alföldy G. Roemische Socialgeschichte. – Wiesbaden: Steiner, 1984. – 212 s.
48. Badian, E. Publicans and Sinners: Private Enterprise in the service of the Roman republic. / Badian E. – Dunedin, 1972. – 170 p.
49. Bell, A.A. A Note on Revision and Authenticity in Pliny's Letters / A.A. Bell // American Journal of Philology. – 1989. - 110 (3). –Pp. 460–466.
50. Bennett, J. Trajan: Optimus Princeps: A Life and Times / J. Bennett. Bloomington: Indiana University Press, 1997. – 317 p.
51. Blumner, H. Die romischen Privataltertumer / H. Blumner. – Munchen, 1911. – 308 p.
52. David, J.-M. Le patronat judiciaire au dernier de la republique romaine. / J David. – Roma, 1992. – 70 p.
53. Duncan-Jones, R. Money and Government in the Roman Empire / R. Duncan-Jones. – New York, 1998. – 320 p.
54. Dupont F. La vie quotidienne du citoyen romain sous la Republique / F.Dupont. – Paris, 1989. – 301 p.
55. Frank, T. An Economic Survey of Ancient Rome. / T. Frank. – Baltimore, 1933. – 231 p.
56. Foxhall, L., Salmon J. When Men Were Men: Masculinity, Power and Identity in Classical Antiquity (Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society) / L. Foxhall, J. Salmon. - London & New York: Routledge, 2011. - 270 p.

57. Herrmann, C. Le role judiciaire et politique des femmes sous la republique romaine. / Herrmann C. – Bruxelles, 1964. – 150 p.
58. Heuzey, L. Histoire du costume antique / L. Heuzey. – Paris, 1922. – 211 p.
59. Lançon, B. Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, AD 312-609 / B. Lançon, A. Nevill, M. Humphries. – Edinburg University Press, 2001. – 185 p.
60. Liversidge, J. Everyday life in the Roman Empire / Liversidge. – London, 1976. – 601 p.
61. Moritz, L. A. Grain-Mills and flour in classical antiquity / Moritz L.A. – Oxford, 1958. – 187 p.
62. Paoli, U. Vita romana, la vie quotidienne dans la Rome antique / Paoli U. – Paris, 1955. – 209 p.
63. Parks, R. The roman rhetorical schools / R. Parks. – Baltimore, 1945. – 231 p.
64. Radice, B. The Letters of the Younger Pliny / B. Radice. - London: Penguin Classics, 1963. – 320 p.
65. Radice, B. Pliny and the Panegyricus / B. Radice // Greece & Rome. – 1968. - 15 (2). – Pp. 166–172.
66. Sherwin-White, A.N. The Letters of Pliny: A Social and Historical Commentary (2-nd edition) / A.N. Sherwin-White. - Oxford: Oxford University Press, 1998. – 808 p.
67. Sherwin-White, A.N.. Pliny, the Man and his Letters / A.N. Sherwin-White // Greece & Rome. - 1969. - 16 (1). – Pp. 76–90.
68. Syme, R. People in Pliny / R. Syme // Journal of Roman Studies. Society for the Promotion of Roman Studies. – 1968. - 58 (1 & 2). - Pp. 135–151.
69. The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life / Ed. by A. Lüdtke. Trans. by W. Templer. - Princeton Univ. Press, 1995. - 336 p.
70. Turcan, R. The Gods of Ancient Rome: Religion in Everyday Life from Archaic to Imperial Times. – London & New York: Routledge, 2001. – 180 p.

71. Wells, C. *The Roman Empire* / C. Wells. – Cambridge: Harvard Press, 1995. – 384 p.
72. Winterling, A. *Politics and Society in Imperial Rome* / A. Winterling. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. – 170 p.
73. Zimmern, A. *The home life of the ancient Greeks* / Zimmern A. – N.Y., 1966. – 209 p.